

«Я ВЫРОС В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ»

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АВТОПОРТРЕТ
СОВЕТСКОГО ЖУРНАЛИСТА

А.С. Кимерлинг
О.Л. Лейбович

Национальный
исследовательский
университет

Высшая
школа
экономики

Монографии ВШЭ: гуманитарные науки

Анна Кимерлинг

**«Я вырос в сталинскую эпоху».
Политический автопортрет
советского журналиста**

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

2019

УДК 929
ББК 63.3-8

Кимерлинг А. С.

«Я вырос в сталинскую эпоху». Политический автопортрет советского журналиста / А. С. Кимерлинг — «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2019 — (Монографии ВШЭ: гуманитарные науки)

ISBN 978-5-7598-2015-4

В монографии на основе аутентичных эго-документов реконструируется жизненный мир партийного журналиста Михаила Данилкина, принадлежавшего к первому поколению советских людей. Воссозданы его генеалогия, образы послевоенной действительности, представления о советском и антисоветском, об угрозах социализму изнутри. Несущей конструкцией его картины мира была фигура Сталина. Особое внимание уделено политически ориентированным практикам Михаила Данилкина, в результате которых в марте 1953 г. он был осужден по ст. 58 п. 10 УК РСФСР (контрреволюционная агитация и пропаганда). Авторы исходят из того, что взгляды и поступки Михаила Данилкина, несмотря на их индивидуальность, в своей основе были релевантны ментальности партийцев, работавших в системе агитпропа. Для преподавателей и студентов гуманитарных факультетов, а также для всех интересующихся жизнью людей сталинской эпохи.

УДК 929
ББК 63.3-8

ISBN 978-5-7598-2015-4

© Кимерлинг А. С., 2019

© Высшая Школа Экономики
(ВШЭ), 2019

Содержание

От авторов	7
Глава 1	14
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**Анна Семеновна Кимерлинг, Олег
Леонидович Лейбович
«Я вырос в сталинскую эпоху»:
политический автопортрет
советского журналиста**

© Кимерлинг А.С., 2019

© Лейбович О.Л., 2019

От авторов

31 марта 1953 г. в Молотовском областном суде в закрытом заседании слушалось дело Михаила Тихоновича Данилкина, обвиненного по ст. 58–10 УК РСФСР 1926 г. Пункт 10 статьи о контрреволюционных преступлениях, напомним, гласил:

«Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти, или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58²–58⁹), а равно и распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собою – лишение свободы на срок не ниже шести месяцев»¹.

В тот же день суд нашел

«...вину Данилкина в контрреволюционном преступлении по ст. 58–10 доказанной его собственным признанием. Кроме того, его вина подтверждается произведениями, приложенными к делу (л.д. 30–142 т. 3, 11–29 т. 3, 1–10 т. 3, 1–61 т. 2)»

и вынес приговор:

«Признать виновным Данилкина Михаила Тихоновича по статье 58–10 ч. 1 УК РСФСР и подвергнуть его лишению свободы сроком на десять лет с последующим лишением в избирательных правах в силу ст. 31 п. а УК на пять лет»².

Помещенные в круглых скобках страницы дела образуют корпус текстов, принадлежавших подсудимому, в недавнем прошлом партийному журналисту: памфлетов, писем, дневников, литературных сочинений, признанных судом клеветой на советскую действительность, извращением ее «в контрреволюционном духе» и дискредитацией «руководителей Советского государства»³.

Дело Данилкина отличалось от похожих дел по антисоветской агитации и пропаганды тем, что его судили не за разговоры, подслушанные осведомителями и часто в соответствующем духе фальсифицированными для нужд следствия⁴. Он действительно был автором про-

¹ Из Уголовного кодекса РСФСР: 58–10. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Аннотированный каталог. Март 1953–1991. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 11.

² Дело № 2-75. Приговор по делу Данилкина М.Т. 31.03.1953 // ПермГАСПИ (Пермский государственный архив социально-политической истории). Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 3. Л. 218.

³ Там же.

⁴ Эффективность работы оперативных сотрудников МГБ измерялась тремя количественными показателями: «по числу заведенных дел оперативного учета, проведенных вербовок и арестов». (Кадыров – Н.С. Хрущеву. 16.02.1954. Копия. Машинопись // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 22. Д. 134. Л. 142). Чтобы показать свою работоспособность, следователи областного управления МГБ шли на разные ухищрения: записывали в агенты глухих старух, заводили без каких-либо оснований дела-формуляры на хозяйственных руководителей, иной раз прибегали к провокациям, обставляли выбранную жертву агентами, давали им задания побудить человека к антисоветским высказываниям, а затем совершенно невинные суждения превращали в выпады против Советской власти. Военный прокурор войск МВД Молотовской области в том же 1953 г. сделал представление начальнику областного управления МВД, что его сотрудники взяли под арест «...ни в чем не повинного советского гражданина Николаенко, обвинив его в совершении государственного преступления». «Как выяснилось в настоящее время, все основные свидетели (имена опущены. – А. К., О. Л.) были секретными осведомителями органов МВД, и они получили задание провоцировать Николаенко [...] Установлено, что секретный осведомитель, и она же свидетель С., в своем донесении органам МВД писала, что Николаенко во время выпивки говорил: “Пью за социализм, а в отношении коммунизма – Вы мне бросьте”. Показания же С. в протоколе ее допроса были написаны так: “Пью за коммунизм, которого никогда не будет”, т. е. совершенно извращено ее сообщение» (Чернядьев – Цикляеву. Представление. 03.08.1953 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 158. Л. 174–175). На партийном собрании УВД Молотовской области этот эпизод освещали таким образом: «5 отделом в апреле месяце был арестован за антисоветские высказывания и террористические намерения Николаенко. Материалы на

изведений, приобщенных к делу следователями пятого отдела областного Управления МГБ⁵. Они отложились в двух последних томах архивно-следственного дела М.Т. Данилкина: пьеса «Жертва обстоятельств», дневниковые записи «Сокровенные мысли», литературный фельетон «Глазами классиков», очерки «Разговор с товарищем Сталиным» и «Ответ моим обвинителям».

При реконструкции взглядов журналиста областной газеты «Звезда» нельзя забывать, что сотрудникам Молотовского МГБ были нужны только такие тексты, которые можно было квалифицировать как «антисоветские». Напрасно М.Т. Данилкин просил во время предшествующего аресту партийного следствия «...выносить приговор по романам “Новоселье” и “Русская душа” (второй еще не совсем закончен), по сборнику очерков “Хозяева жизни”, по сборнику литературно-критических статей “Проба голоса”»⁶. Следователей эти произведения не интересовали. Из дневника М.Т. Данилкина «Сокровенные мысли» были перепечатаны и включены в дело только записи, необходимые для вынесения приговора.

В фондах Пермского государственного социально-политического архива нами найдено также отдельное дело «Заявления т. Данилкова(!) М. в ЦК и обком ВКП(б) об ответственных работниках г. Березники. 5 октября 1948 – 19 октября 1950»⁷. В нем собрана переписка журналиста с партийными инстанциями. Впрочем, перепиской это назвать трудно. Есть письма М.Т. Данилкина секретарям обкома, но нет ответов от адресатов. Вместо них в дело подшиты многочисленные справки о результатах расследований – и всё⁸.

В Государственном архиве Пермского края (ГАПК) нам удалось обнаружить в делах Молотовского отделения Союза писателей СССР материалы обсуждения рукописи романа «Новоселье», протокольные записи выступлений М.Т. Данилкина⁹.

Реконструировать взгляды нашего персонажа приходится по разнородным источникам. Записные книжки можно смело отнести к эго-документам, причем, как и литературные произведения, в которых сюжет, фабула, язык – все служит в первую очередь выражению собственного «Я»; и здесь нет особой разницы между пьесой, фельетоном, очерком. Все тексты – это сплошной монолог автора, иногда розданный им действующим лицам: А.С. Пушкину, Н.В. Гоголю и другим. Кроме эго-документов, в делах архивов можно найти официальные бумаги: обращения М.Т. Данилкина во власть, протокольные записи партийных собраний, справки, подготовленные различными комиссиями по запросам партийного журналиста, протоколы допросов, экспертные заключения и проч.

арест были утверждены тов. Лоханиным и тов. Кутеповым. До ареста материалы не были тщательно проверены и во время следствия следователи не смогли надлежаще доказать преступную деятельность Николаенко. В результате недостатка собранных улик военная прокуратура в июне месяце своим постановлением дело Николаенко прекратила, и он был освобожден из-под стражи» (Протокол № 2 закрытого партийного собрания парторганизации Управления МВД по Молотовской области. 23.07.1953 // ПермГАСПИ. Ф. 1624. Оп. 1. № 113. Л. 89).

⁵ Во время подготовки процесса решением Верховного Совета СССР от 15 марта 1953 г. Министерство государственной безопасности было упразднено. Его аппарат включили в состав Министерства внутренних дел. Тем не менее машинистка областного управления МВД в «шапку» обвинительного заключения, датированную 19 марта 1953 г., внесла по привычке старое название ведомства «Управление МГБ Молотовской обл.<асти>». Заместитель начальника не заметил и подписал. См.: Обвинительное заключение (по спецделу № 6540) по обвинению Данилкина Михаила Тихоновича в преступлении, предусмотренном ст. 58–10 ч. 1 УК РСФСР // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 3. Л. 202.

⁶ Данилкин М.Т. – Бюро Молотовского обкома КПСС. Объяснение. 15.12.1952 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 83. Л. 182.

⁷ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176.

⁸ О конфликте М.Т. Данилкина с местной партийной номенклатурой см.: Кимерлинг А.С., Лейбович О.Л. «С такими в наше время скандалить опасно...»: Критика номенклатуры в потаенных текстах Михаила Данилкина // Номенклатура и общество в России и Украине. Пермь: Изд-во ПГТУ, 2009; Лейбович О. В городе М. М.: РОССПЭН, 2009; Лейбович О. Маленький человек сталинской эпохи: попытка институционального анализа // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 161–176.

⁹ Обсуждение романа Данилкина «Новоселье». Протокол от 08.02.1952 // ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. р-1188. Оп. 1. Д. 3. Л. 37(об.)– 41; Протокол № 1 собрания членов Молотовского отделения ССП и писательского актива г. Молотова и Молотовской области. 21.01.1950 // ГАПК. Ф. р-1188. Оп. 1. Д. 2. Л. 146–154.

Партийный журналист Михаил Данилкин был одним из людей, пытавшихся из подручного материала сформулировать свой собственный взгляд на советскую действительность. Более того, он переносил свои оценки и суждения на бумагу, придавая им литературную форму. Он вел напряженный мысленный диалог со Сталиным, предлагая тому либо оспорить, либо принять их. Он хотел просветить власть. Та ответила арестом, приговором, лагерем и неполной реабилитацией, но сохранила тексты. Знакомство с ними ставит перед нами вопрос: в какой исследовательской парадигме можно с достаточной степенью аутентичности интерпретировать взгляды М.Т. Данилкина? 20 лет назад, когда мы только подступали к этой теме, нам казалось, что мы имеем дело с явлением советской общественной мысли. Сейчас этот подход представляется нам упрощенным и наивным.

Общественная мысль возможна в условиях, когда существует организованная автономная от власти публичная сфера, которая «опирается на: 1) разного рода негосударственные организации и институты (салоны, литературные и дружеские общества, кофейни и чайные дома, клубы, масонские ложи и т. д.), обеспечивающие выработку новых форм социальности; 2) газеты, журналы, книги, циркуляция которых обеспечивает коммуникацию внутри публичной сферы»¹⁰.

Иначе говоря, общественная мысль есть там, где существует независимое от власти общественное мнение. Историки идей в связи с этим указывали на Францию старого порядка в канун революции: в ней сложился круг образованных людей, не связанный ни с двором, ни с церковью. Посетители кофейен, члены литературных объединений, читатели запретной и полуперезапретной литературы, свободные от обременительного каждодневного труда, – они и образовывали то, что в будущем назовут обществом. «Разумеется, “общество” во Франции восемнадцатого века не существовало в сколько-нибудь связанной форме; а в той мере, в какой оно все же существовало, оно было отстранено от прямого участия в политике»¹¹. Такая отстраненность и позволяла свободно резонерствовать по поводу властных практик и институтов. Хотя эти дебаты воодушевляли только малочисленную интеллектуальную элиту: адвокатов, журналистов, литераторов и издателей, они формировали то, что называлось «духом времени», подчинявшим идеям Просвещения умонастроения многих и многих людей. Подлинный XVIII в. во Франции – это «годы господства общественного мнения»¹². Заметим, что в толщу третьего сословия они не проникли¹³.

В России XIX в. общественное мнение только формируется. В эту эпоху отечественные интеллектуалы устанавливали границы между собой и государством. Вначале речь шла только о личном достоинстве, защиту которого нельзя было никому перепоручить. Позднее – об общественных интересах, которые расходились с династическими, более того, казались им противоположными. Русская общественная мысль по своей природе была первоначально мыслью оппозиционной. Она группировалась вокруг *проклятых вопросов* русской действительности: крепостного права, принципа самодержавия, личного и сословного неравенства¹⁴. Пройдет

¹⁰ Каплун В.Л. Что такое Просвещение? Рождение публичной сферы и публичной политики в России // Публичное пространство, гражданское общество и власть / под ред. А. Сунгурова и др. М.: Российская ассоциация политической науки; РОСППЭН, 2008. С. 333–345. <http://www.civisbook.ru/files/File/Kaplun_what_is_it.pdf>.

¹¹ Дарнтон Р. Высокое Просвещение и литературные низы в предреволюционной Франции / пер. с англ. Г. Дашевского // Новое литературное обозрение. 1999. № 37. <magazines.russ.ru/nlo/1999/37/darnton.html>.

¹² Caro E.M. La fin du dix-huitième siècle. Vol. 1. Paris: Hachette, 1880. P. 2.

¹³ Анализируя наказания депутатам Генеральных штатов 1789 г., американский историк Уильям Дойл заметил, что «в наказах третьего сословия отражается глубокий консерватизм, тогда как дворянские наказания, как это ни парадоксально, проникнуты духом Просвещения в силу их массовой приверженности идеологии достоинства» (Lepeltier Th. Des origines de la révolution française, de William Doyle, Calmann-Lévy (Liberté de l'esprit), 1988 [1980] // Revue de livres. Mai 1999. <<http://thomas.lepeltier.free.fr/cr/doyle.html>>).

¹⁴ Горин Д. Дух свободы в несвободном обществе: опыт научного сообщества в дореволюционной России. <http://www.civisbook.ru/files/File/Gorin_Tetr_58.pdf>; Гросул В.Я. Общественное мнение в России XIX века. М.: АИРО-XXI, 2013; Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. М.: Прогресс – Культура; Редакция газеты «Труд», 1995; Эймон-

много лет, прежде чем критика государственного быта вызовет к жизни антикритику, равную по интеллектуальному содержанию¹⁵. Философские и литературные споры долгое время замесили в России открытую политическую борьбу, вернее, оттеснили ее в сумрачную область, где против тайных обществ воевала тайная полиция, где пересекались государственные репрессии и революционный террор. В идейной борьбе проговаривались будущие социальные конфликты. Люди XIX в. много публиковали, несмотря на цензуру, еще больше писали. Что самое главное, они сохраняли свои архивы. У историков нет недостатка в источниках для того, чтобы обсудить социальную обусловленность взглядов Владимира Соловьева или Николая Чернышевского, обнаружить следы взаимовлияний или приписать те или иные идеи к какой-либо интеллектуальной традиции.

В последние десятилетия перед революцией русская общественная мысль представляет собой многоцветную панораму самых разных идейных течений.

Советская эпоха была совсем иной. Рожденная революцией власть не признавала ни партияльных интересов отдельных социальных групп, ни тем более независимого общественного мнения. Она претендовала на то, чтобы быть источником знаний, главным просветителем, мерилom нравственности и законодателем художественных вкусов. «Партия наша – это наука, – писал инструктор ЦК КПСС профессору А. Любичеву, – и они между собой неразделимы»¹⁶.

Власть предлагала единый язык, названный С. Коткиным «большевистским»¹⁷. Современники называли его «газетным». Он формировал способы размышления и говорения о мире¹⁸. Для описания социальных проблем советского общества, например, использовались устойчивые клише – в годы террора: «вредительство», «вражеская вылазка», «троцкистская провокация»; в годы нормализации писали и говорили «о пережитках капитализма», или о его «родимых пятнах», в лучшем случае «о временных трудностях», или «недоработках». Они выглядели случайными вкраплениями на фоне колоссальных достижений Советской власти, необычайных успехов советского строя¹⁹.

Властные притязания распространялись на самые интимные стороны человеческой жизни, в том числе интеллектуальные. В годы первых пятилеток рабочих и студентов учили писать дневники как своего рода отчеты о работе над собой в духе сталинских указаний, или упражнений в большевистском языке. В них не было ничего сокровенного, их отдавали на проверку секретарю ячейки, показывали иностранным журналистам и советским писателям²⁰. Ознакомившись с содержанием дневников московских студентов, немецкий журналист К. Менерт сделал вывод, что «большинство студентов воодушевлены большевизмом и его великими задачами; они готовы и впредь жертвовать материальными благами [для этой цели]»²¹.

това Р.Г. Идеи Просвещения в обновляющейся России (50–60-е годы XIX в.). М.: ИРИ РАН, 1998.

¹⁵ См.: Бессчетникова Е.В. Константин Леонтьев на пороге Оптиной пустыни // Человек. 2014. № 4. С. 15–156; Кантор В.К. Константин Леонтьев: христианство без надежды, или Трагическое чувство бытия // Кантор В. «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов. М.: РОССПЭН, 2011; К.Н. Леонтьев – pro et contra: личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей, 1891–1917 гг.: антология. Кн. 1, 2. СПб.: РГХА, 1995; Тесля А. Первый русский национализм... и другие. М.: Европа, 2014; Тесля А. «Последний из “отцов”»: Биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль, 2015; Тесля А. Русский консерватор: о системе политических воззрений К.П. Победоносцева 1870–1890-х годов // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 1. С. 151–172.

¹⁶ «Неприлично молчание мне...» Из переписки профессора А.А. Любичева с В.П. Орловым // ЭКО. 1988. № 2. С. 110.

¹⁷ Kotkin St. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 220.

¹⁸ См.: Кунина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2017.

¹⁹ «Они ошеломлены колоссальными достижениями Советской власти, им кружат голову необычайные успехи советского строя», – писал о молодых партийных кадрах И.В. Сталин (Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. С. 25).

²⁰ В процессе работы над историей советских промышленных предприятий «молодой тогда писатель Г. Медынский работал над “Историей метро” на основе дневников (не мемуаров!), поскольку “легче и целесообразней ловить современность, чем восстанавливать ее как историю”» (Журавлев С.В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: Горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М.: Ин-т российской истории РАН, 1997. С. 104).

²¹ Mehnert K. Die Jugend in Sowjetrussland. Berlin: S. Fischer, 1932. S. 33.

В конце сталинского периода партийный диалект удалил из гуманитарной сферы все профессиональные наречия. Михаил Данилкин в ответ на упрек, что герои его публицистического романа говорят одним языком, возразил: «Нет разных языков. Это вполне естественно. Язык один»²².

Советский литературовед Б.М. Эйхенбаум в 1949 г. записал в дневнике: «Думаю, что пока надо оставить помыслы о научной книге. Этого языка нет – и ничего не сделаешь»²³.

В обществе, в котором общественное мнение вытеснено из публичного обихода, не может быть и общественной мысли: нет обмена идеями, дискуссий и полемик, нет языка для обсуждения социальных вопросов. И в такой ситуации человек образованный и наблюдательный способен размышлять наедине с тетрадкой о злобе дня, искать первопричины неурядиц, даже предлагать проекты, но у него нет возможности ни найти единомышленников, ни вступить в полемику с оппонентами, ни создать школу, ни присоединиться к какой-либо существующей. Свою позицию он может выявить, только обращаясь к власти на ее же языке, что, собственно говоря, и делал М.Т. Данилкин, к слову сказать, другого языка не знавший. Его рефлексия над днем сегодняшним не стала и не могла стать частью общественной мысли в силу ее отсутствия.

Таким образом, критика советской действительности в писаниях молотовского журналиста должна быть рассмотрена в иных исследовательских перспективах и прежде всего как способ формирования личной субъектности в преодолении «ролевого» принципа социальной организации, в формировании собственного «Я» наперекор мнениям «почтенных учреждений», как их именовал наш герой, профанируя сталинский язык. Мы опираемся на определение субъектности, данное М. Иршорном: «Способность человека – быть стратегом своей деятельности, ставить и корректировать цели, осознавать мотивы, самостоятельно выстраивать планы жизни»²⁴. По мнению Й. Хелльбека, конструирование субъектности было одной из стратегических целей сталинской политики. «Без преувеличений, коммунистический проект может рассматриваться как грандиозный “Я”-проект по превращению несовершенных партикуляристских человеческих существ в универсальных социализированных субъектов»²⁵. Мы же полагаем, что в сталинскую эпоху субъектность в ее индивидуалистическом оформлении (а возможно ли иное?) последовательно и жестко подавлялась. «Я – последняя буква в алфавите», «отсебятина» и прочие устоявшиеся языковые формы свидетельствуют именно об этом. Формирование субъектности отдельных лиц первоначально воспринималось окружающими как девиантные практики. Человек, проделывавший над собой такую работу, терял цельность взгляда и устойчивость позиций. По верному замечанию С. Бойм: «Вдумчивый исследователь Фуко сконцентрировался бы именно на дискурсивных разрывах, провалах и непоследовательности в дневниках советских людей. Они наиболее показательны для любого исследования субъективности»²⁶.

Такие непоследовательность, логические разрывы мы обнаруживаем в текстах М.Т. Данилкина. В.И. Семевский, в начале XX в. изучавший общественные воззрения декабристов, нашел в них (в воззрениях, а не в декабристах) сочетание *симпатичных и несимпатичных* черт²⁷. Такой подход, на первый взгляд далекий от строго научного, позволяет историку сохранять необходимую дистанцию между ним и персонажем, избегать как *жизтийного*, так

²² Обсуждение романа Данилкина «Новоселье». Протокол заседания писательской секции от 02.1952 // ГАПК. Ф. р-1188. Оп. 1. Д. 3. Л. 41(об.).

²³ Чудакова М., Тоддес Е. Страницы научной биографии Б.М. Эйхенбаума // Вопросы литературы. 1987. № 1. С. 159.

²⁴ Иршорн М. Акционизм // Журнал социологии и социальной антропологии. Спец. вып. Современная французская социология. 1999. Т. 2. С. 299.

²⁵ Интервью с Игалом Халфиным и Йоханом Хелльбеком (пер. М. Могильнер) // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 222.

²⁶ Бойм С. Как сделана советская субъективность? // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 288–289.

²⁷ Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб.: Издательство: типография первой Спб. трудовой артели, 1909. С. 394.

и памфлетного способа портретирования. Нам нет нужды что-либо затушевывать в политическом мировоззрении героя, смещать пропорции либо искать оправдания отдельным поступкам. Наша задача в другом – по возможности более точно реконструировать мир политических идей Михаила Данилкина – мир, который рождался на пересечении личной судьбы героя и общих судеб его современников.

Его взгляды на современную действительность могут быть истолкованы в терминах жизненного мира, т. е. сложившихся устойчивых, связанных представлений, образов, иллюзий, мифов, оценочных суждений о людях – о друзьях и врагах, своих и чужих, о социальном пространстве, о собственном «Я». Концепция «жизненного мира» позволяет разгадать смысловое наполнение социальных практик, расшифровать мотивы на первый взгляд необъяснимых поступков нашего героя. При этом следует принять во внимание, что в жизненном мире отдельного человека воспроизводятся автоматизмы мысли и действия близкого ему социального сообщества. В жизненном мире М.Т. Данилкина можно обнаружить слепок с ментальности советского служилого слоя, пришедшего во власть в первой половине 1930-х годов. Данилкин был вынужден заново открывать то, что его политические единомышленники из числа европейских левых сформулировали за 15 лет до него. Тем не менее он предвосхитил социологические построения М. Джиласа на тему *нового класса* и ход рассуждений Н.С. Хрущева на XX съезде партии, расходясь и с тем и с другим в принципиальных политических вопросах.

История Данилкина – поучительная глава в истории первого поколения советских людей, родившихся между 1910 и 1917 гг., в числе многих из них он проделал путь наверх из самых низов старого общества. И чтобы реконструировать жизненный мир партийного журналиста, нам нужно обратить внимание на меняющееся его окружение: деревенское, заводское, военное, партийное. В этих социальных сообществах формировалось его мироощущение, от них он заимствовал представления о мире людей и вещей. И стало быть, изучение его жизненного мира, способов формирования «Я» возможно только при помощи биографического метода.

Его жизненный путь в узловых пунктах совпадал с основными вехами сталинской эпохи. Данилкин чувствовал себя солдатом партии, но все время выбивался из строя. Не умел ходить в ногу, хотя искренне старался попасть в такт сталинским маршам. Начал ребенком. Беспорочничал при позднем НЭПе, когда его сверстники занимались крестьянским трудом или ходили в школу. Просидел за партой время «великой чистки». Возмутился казенной неправдой в эпоху торжества социализма. Вступил в спор с вождем, когда тот был жив и при власти. Но даже в своем протесте Михаил Данилкин остается человеком сталинской выучки, чьи политические горизонты очерчены «Вопросами ленинизма».

Поставим перед собой вопрос, какую эвристическую ценность представляет собой исследование жизненного мира провинциального журналиста, если его тексты не инициировали дискуссию в литературной среде о судьбах социализма, не стали импульсом для обсуждения политических вопросов, а оказались погребенными на 75 лет в пропыленных папках архивно-следственного дела. Считать его взгляды типичными для людей номенклатурных – партийного чиновничества средней руки – было бы опрометчиво. Впрочем, и мельник Меноккио – персонаж исторического исследования К. Гинзбурга – также не мог претендовать на то, чтобы олицетворять собой взгляды и формы поведения сельских обитателей той эпохи. Согласимся, однако, с мнением П.Ю. Уварова: «Так, например, случай с мельником Меноккио из книги Карло Гинзбурга “Сыр и черви” абсолютно нетипичен, но он дает нам очень богатую информацию о различных пластах культуры, о “возможном и невозможном”, об особенностях судопроизводства и т. д.»²⁸. В той же мере был нетипичен и случай с Михаилом Данилкиным, позволяющий, однако, увидеть, как в партийных кругах проявлялись ощущения растущей социальной несправедливости, болезненного расхождения между идеологией победившего большевизма

²⁸ Уваров П.Ю. Франция XVI века. Опыт реконструкции по нотариальным актам. М.: Наука, 2004. С. 60.

и действительным положением вещей, опасения за судьбу советского проекта. Тексты М.Т. Данилкина интересны в первую очередь тем, что они демонстрируют техники мышления и говорения, сложившиеся в рамках социалистической советской культуры, способы восприятия большевистской идеологии.

Работа состоит из двух частей. Первая представляет собой историю жизни Михаила Данилкина, рассказанную и, стало быть, отредактированную им самим. Мы мало знаем о начале его жизненного пути, о процессе формирования политических взглядов. Источники, на основании которых написана первая глава, относятся к более позднему времени. Это скорее отчет, нежели хроника жизни. Не обнаружена и часть его переписки с московскими инстанциями, в том числе письмо в ЦК ВКП(б) от 18 июня 1948 г. и письмо к Сталину «Белинский и наше время». Не найден и литературный архив М. Данилкина. Во втором разделе опубликованы тексты Михаила Данилкина, написанные им в 1951–1952 гг. Последовательность документов определяется временем их создания: от более ранних к более поздним. Нумерация применяется сквозная. Все документы публикуются под собственными заголовками без извлечений.

Тексты М. Данилкина, помещенные в приложения к книге, а также цитаты из архивных материалов публикуются в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР», принятыми в 1990 г.

Мы отдаем дань памяти Вадиму Григорьевичу Светлакову, бывшему директору партийного архива (ныне ПермГАСПИ), обеспечившему нам в 1997 г. доступ к документам, и искренне благодарим Галину Федоровну Станковскую за неоценимую помощь в работе над первым изданием книги.

Мы благодарны своим коллегам по работе А.И. Казанкову, А.Л. Глушаеву, А.В. Чашухину, А.Н. Кабацкову, А.В. Бушмакову, взявшим на себя труд познакомиться с рукописью, сделать важные и нужные замечания. Всю ответственность за книгу мы, естественно, принимаем на себя.

21 июля 2018 г.

Глава 1

«Я входил в большую жизнь под призыв Сталина...»

Когда-то русский писатель, работавший в парижском архиве над историей XVIII в., заметил: «Поразительно число деловых бумаг, описей, инвентарей, протоколов, остающихся от рядовых французов»²⁹. О советских людях 1940-х годов так не скажешь. Частные сделки были под запретом; имущественные споры, если таковые случались между родственниками, очень редко доходили до суда. Да и делить, собственно, было нечего. Государственный нотариат, призванный регулировать гражданский оборот, «оставался дискриминированным правоохранительным органом. Не хватало квалифицированных кадров, помещений, инвентаря»³⁰. Та же ситуация была и с отделами записей актов гражданского состояния – загсами³¹. Частные бумаги в жизни людей были вытеснены бумагами казенными: справками о трудовом стаже, выписками из приказов, копиями свидетельств и удостоверений.

В одном эмигрантском собрании, состоявшемся в Женеве в 1903 г., Юлий Осипович Мартов обронил фразу: «Для человека недостаточно души и тела, требуется еще и паспорт»³². Секретарю острота понравилась, и он занес ее в протокол. Ю.О. Мартов вряд ли подозревал, что для будущего социалистического общества оброненные им слова, если толковать их расширительно, будут значить много больше, чем все сказанное, написанное и напечатанное его товарищами по партии за десятилетия революционной борьбы³³. По паспортам советских граждан в 1940-е годы можно было установить их места проживания (прописку) и работы, а также семейное положение, а по соответствующим пометам – наличие ограничений, наложенных на них государственными органами. Паспорт был одним из множества учетных документов, оседавших в канцеляриях советских учреждений: в отделах кадров, райкомах ВКП(б), в военных комиссариатах, в службах Министерства государственной безопасности. Чиновники аккуратно подшивали в дело учетные карточки, собирали характеристики, выписывали справки, о содержании которых человек мог и не подозревать³⁴.

²⁹ Алданов М. Фукье-Тенвиль // Алданов М. Соч. Кн. 2: Очерки. М.: Изд-во «Новости», 1995. С. 244.

³⁰ Кодищев А.Я. Советский нотариат в послевоенный период // Бюллетень нотариальной практики. 2008. № 1. <<http://www.center-bereg.ru/j2067.html>>.

³¹ В записке начальника Пермского отдела НКВД секретарю горкома ВКП(б) читаем: «ЗАГС при Пермском Городском совете находится в исключительно отвратительном помещении. Комната, отведенная для регистрации рождений и браков, расположена неуместно. Для того чтобы попасть в эту комнату, необходимо пройти 2 коридора, которые темные, с противно сырым запахом, и комнату, в которой производится запись разводов и смертей, где слышны плач по умершим и невероятная ругань разводящихся, что влияет на молодых людей, отцов и матерей, приходящих зарегистрировать свой брак и новорожденных» (Лосос – Гайдук. 09.10.1934 // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 870. Л. 49).

³² Протоколы II съезда Заграничной лиги и «комментарий» к ним. 26 октября – 31 октября 1903 г. М.: Партиздат, 1934. С. 137.

³³ Можно предположить, что Ю.О. Мартов называл паспортом вид на жительство, утвержденный решением Сената в 1894 г. Этот казенный документ служил удостоверением личности, указывающим на совершеннолетие его владельца и одновременно на его юридическую правоспособность; он также давал право на свободу передвижения в пределах Российской империи (см.: Буймаков А. От проезжей грамоты к паспорту // Ретроспектива. 2012. № 1. С. 33–34).

³⁴ В фельетоне, опубликованном в газете «Правда» в 1936 г., влиятельный партийный журналист предостерегал от злоупотребления всякого рода компрометирующими материалами неясного происхождения: «Хорошая слава пошла о человеке. Пошла и дошла до того угла, где у человека некогда случился плохой эпизод. Или просто – притаились недруги, конкуренты, завистники. Тогда из угла побредет за человеком бумажонка. Она пойдет медленно, семеня ножками, как насекомое. Но обязательно догонит человека. Бумажонка невзрачная, на серой бумаге, слепым шрифтом отбитая, с плохо оттиснутым штампом, с неразборчивыми подписями и глухим содержанием. В бумажонке осторожно и туманно говорится, что имярек, который работает у вас, в свое время где-то проявил себя весьма отрицательно, что, по имеющимся данным, вел себя антиобщественно, что, по поступившим заявлениям, устраивал пьянки, что, по создавшемуся впечатлению, является элементом отсталым и пассивным. У кого имеются такие данные? Куда поступили заявления? От кого? Когда? Пять лет назад? У кого создалось впечатление? Почему создалось? Как создалось? Создалось ли? Ничего в глухой бумажонке не разъяснено. Она написана хмурым, невнятным, сквозь зубы. Проверить бумажку трудно, часто невозможно. А все-таки бумажка действует. Ее обносят по

Среди казенных бумаг, определявших отношение к советскому гражданину, особое место занимала анкета. Она определяла реальный статус советского человека, более того, перспективы социальной мобильности – нисходящей или, напротив, восходящей. От ответов на предложенные ею *распросные пункты* зависела судьба человека. Повторное анкетирование означало недоверие. Начальник отдела найма и увольнения завода № 19 по производству авиамоторов в г. Перми обставил эту процедуру как следственное мероприятие – в особом помещении, куда вызывались по одному в чем-то подозреваемые работники завода. «А что представляет комната № 2, которую вы создали в ОНУ, ставшей “притчей во языцах”? Вы молчите. Создаете комнату № 2, вызываете людей, допрашиваете: “Член ли ты организации и т. д.” Этим самым Вы встали на путь подмены органов НКВД, причем плохо делаете. Узнав об этой комнате, я вызвал т. Морзо и предложил закрыть ее», – обличал активного разоблачителя директор завода. Тот возражал: «Комната № 2 обыкновенная, предназначенная для анкетирования – и через нее прошло свыше 400 человек»³⁵.

В письме новому парторгу ЦК ВКП(б) на заводе К.А. Морзо напомнил о своих заслугах: «В 1936 г. я уточнил анкеты всех работников завода и выявил группировку троцкистов и правых на заводе»³⁶.

Анкетировать означало допрашивать. «В декабре 1936 г., после возвращения из отпуска, – продолжил объяснение начальник ОНУ, – я добился анкетирования Краскина. Он отвиливал. Я просил помощи Орлова – не получил. Я заявил Орлову, что, если Краскин не будет анкетироваться, я отберу у него пропуск и на завод не пущу. На это Орлов ехидно ответил: “Если считаешь нужным – не допускай”»³⁷.

В течение десятилетий продолжалась эта жестокая игра в казаки-разбойники. Бдительные сотрудники многочисленных органов искали в анкетах неясности, неточности, прямую ложь и уклончивое лукавство. Их подопечные пытались скрыть компрометирующие данные, преимущественно о социальном происхождении, о занятиях родителей, опасные родственные связи, корректировать собственную родословную. Иногда получалось. В личном деле крупного партийного работника, родившегося до 1917 г., нам как-то встретилась такая запись: отец – крестьянин-бедняк, мать – учительница. Такой мезальянс в старой деревне вряд ли был возможен, но ни кадровики, ни чиновники из МГБ не заметили ничего подозрительного. «Отец-бедняк» выписал сыну пропуск во власть.

Чаще, однако, случалось иначе. В 1947 г. секретарь Молотовского обкома ВКП(б) Семен Афанасьевич Антонов баллотировался в депутаты Верховного Совета РСФСР. Выпущенный с дипломом инженера в 1935 г. из Свердловского горного института, он некоторое время работал по специальности на предприятиях Соликамска и Березников. В 1942 г. был выдвинут в Молотовский обком партии. На новом месте службы С.А. Антонов проявил себя как нельзя

кабинетам, бережно прячут в личном столе. И сразу стол, возмнив себя ужасно бдительным, начинает прищуриваться на человека, новым косым взглядом рассматривать его отличную работу, отодвигать хорошего работника в сторону, в тень, в задние ряды. Сам человек, не понимая причины, грустит и мучается от перемены обстановки и отношения к нему; он думает, что стал хуже работать, что в чем-то провинился, в чем-то ошибается. А на самом деле – эта тихая, лживая бумажка, никем не проверенная и никем не подтвержденная, исподтишка гложет его труд, его отдых, его спокойствие» (*Кольцов М. Личный стол // Фрадкин В. Дело Кольцова. М.: Вагриус, 2002. С. 128–129*).

³⁵ Протокол № ... закрытого заседания бюро Сталинского РК ВКП(б) от 09.01.1938. Машинопись // ПермГАСПИ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 21. Л. 158, 161.

³⁶ Морзо – Дубову. Объяснение. 28.12.1937 // ПермГАСПИ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 21. Л. 155.

³⁷ Там же. Л. 156. В.Е. Орлов – заместитель директора завода № 19; В.С. Краскин – начальник планового отдела того же завода. Бдительные партийцы не могли простить ему службы в Белой армии: «Краскин у Колчака был офицером, он еврей, я думаю, что за какие-нибудь особые услуги могли дать такой чин. А папа его был финансовым советником у Колчака. Этот человек у нас в Плановом отделе, где сосредотачиваются цифры не только сегодняшнего дня. (Т. Кабаков: Может быть, он незаменимый?) По-видимому, если его держат, а мое мнение как инженера и как коммуниста, не только он не является незаменимым, но он мешает работе». Стенограмма заседания VIII Пленума Городского комитета ВКП(б). Т. 1. 25–26 января(?) 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1352. Л. 12–13.

лучше, иначе не объяснить его успешную карьеру и завоеванное им профессиональное признание. Когда его снимали с работы, никто из членов бюро не сказал о нем ни одного худого слова. Напротив, секретарь по кадровым вопросам – была и такая должность – К.Т. Лайкин напомнил собравшимся, что Семен Афанасьевич «работал преданно, во всех отношениях хороший человек»³⁸.

Не знаем, какую избирательную кампанию он вел: встречался ли с гражданами, объезжая округ, или все обошлось краткими официальными церемониями. В любом случае избиратели могли познакомиться с его биографией на официальном плакате. Учительница М.А. Суханова из г. Канаш Чувашской АССР узнала в кандидате от блока коммунистов и беспартийных сына местного фабриканта, о чем незамедлительно информировала ЦК ВКП(б). Назначили проверку, которая выяснила, что бдительная работница просвещения не ошиблась.

«Все опрошенные утверждают, что отец Антонова С.А. – Антонов Афанасий Антонович появился в г. Канаш в 1913–1914 гг. из деревни Енеш-Косы Цивильского уезда. Сначала он поселился в доме своего родного брата Филиппа, затем, очень скоро, купил дом у лесопромышленника Игнатьева и переселился в него (сейчас в этом доме, к которому сделан пристрой, размещен финансово-экономический техникум). Уже до прибытия в Канаш Антонов А.А. занимался скупкой и продажей мочальных изделий, а в Канаше развил эту деятельность до внушительных размеров, – сообщалось в официальной справке, составленной по итогам расследования. – По архивным данным Налогового отдела НКФ УФС Цивильского уезда Автономной Чувашской ССР, в 1926 г. оборот торгового предприятия А.А. Антонова составлял 100 000 рублей в год»³⁹. Афанасий Антонов, конечно же, никаким фабрикантом не был. Оборотистый мужик – владелец кустарной мастерской, производитель мочалок. Был он человеком грамотным, считал отменно. Спустя 20 лет о нем говорили, что «вся бухгалтерия Антонова А.А. была у него в кармане»⁴⁰. Стотысячный оборот явно придуман задним числом.

Его сын – будущий второй секретарь обкома – в том же 1926 г. ушел из дома сразу же после окончания семилетки. Через год полностью порвал с семьей, перебрался в другую область, устроился рабочим на Лысьвенский металлургический завод. В анкетах указывал совсем другое – бедняцкое – происхождение.

Впоследствии он так объяснял свой поступок: «Я уехал, зная, что сыном кулака мне нельзя будет учиться. Когда я поступил на железную дорогу, меня уволили через 5 дней»⁴¹. С того времени партиец Антонов скрывал свое происхождение. «Я виноват, что при вступлении в партию не указал о фактах торговли отца в 1923–1927 гг. Я не знаю, как это объяснить, я искренне говорю: не набрался силы воли сказать об этом факте»⁴².

У анкеты была собственная правда, отменяющая всеобщее убеждение, что для хорошего воспитания ребенок нуждается в трудолюбивых, образованных родителях, умеющих наладить повседневный быт, добиться домашнего благополучия. Анкетная версия правильной биографии провозглашала нечто противоположное: родители обязаны быть бедняками не в одном поколении, желательно без образования и каких бы то ни было общественных заслуг. Иметь таких родителей считалось громадной удачей. Жизнь, однако, брала свое. Анкетное благопо-

³⁸ Постановление Бюро Молотовского обкома ВКП(б) от 3 июля 1947 г. § 4. О тов. Антонове С.А. // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 59. Л. 65.

³⁹ Справка о результатах проверки заявления учительницы Сухановой М.А. о неточности некоторых данных в опубликованной биографии Антонова С.А. // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 115. Л. 72.

⁴⁰ Там же. Л. 74.

⁴¹ Постановление Бюро Молотовского обкома ВКП(б) от 3 июля 1947 г. § 4. О тов. Антонове С.А. // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 59. Л. 65.

⁴² Там же. Л. 62–63. С.А. Антонов был наказан в партийном порядке. «За то, что т. Антонов оказался нечестным перед партией при вступлении в партию и на работу в обком, освободить его от обязанностей секретаря обкома и члена бюро, объявить строгий выговор с занесением в личное дело за сокрытие социального происхождения. Поручить тов. Хмелевскому рассказать на пленуме обкома» (Там же. Л. 67).

лучие оборачивалось травматическим детством, исковерканными представлениями о добре и зле, ранним ожесточением, неврозами, предрасположенностью к социальным болезням.

Михаил Тихонович Данилкин родился в 1914 г. Спустя 40 лет он указал в анкете местом рождения деревню Каменец Спас-Деменского района Калужской области⁴³. Деревня с таким названием действительно существовала в 1914 г. А вот вместо района был Мосальский уезд, расположенный на юго-западе Калужской губернии – там, где она граничит со Смоленской губернией⁴⁴. В 1937 г. Михаил Данилкин называл товарищам по партии совсем другую местность. На выборах в ревизионную комиссию Кунгурского райкома ВКП(б) он рассказывал свою автобиографию иначе: «Родился в 1912 году, в гор. Гродно Западной Белоруссии, сейчас это место находится в Польше. Отец выехал из Гродно в 1912 году»⁴⁵. Здесь прибавлено два года жизни и указано другое место рождения, в ситуации 1937 г. крайне сомнительное. Из оборонных заводов убирали людей, имевших какое-либо отношение к Польше. «На днях секретарь ЦК ВКП(б) Андреев А.А., созвав директоров оборонных предприятий, [...] потребовал по Краснокамскому району очиститься от поляков, литовцев, эстонцев на том основании, что они враги», – жаловался начальнику Свердловского УНКВД партиец, которому приписали польское происхождение⁴⁶. Уволенный стахановец завода № 19 писал в ЦК ВКП(б): «Не чувствуя за собой никакой вины, я делаю предположение, что мое увольнение, по-видимому, мотивируется тем, что я родился в г. Варшаве. Это предположение возникает на основании того, [что] меня 6–7 месяцев тому назад вызывал инспектор ОНУ и спрашивал: “Почему ты родился в Варшаве?” [...] Отец мой, умерший в 1915 г., прослужил 35 лет на Пермской железной дороге в должности телеграфиста, позднее механика телеграфа. Все 35 лет служил, жил и умер именно в г. Перми. Со слов матери знаю, что рождение мое в г. Варшаве было случайным и преждевременным актом во время поездки отца с матерью по бесплатному жел[езно]дор[ожному]билету (в то время Варшава была территорией царской России)»⁴⁷. Рождение в г. Гродно в эти годы было событием порочащим, тем не менее Михаил Данилкин сообщил товарищам об этом факте, к слову сказать, не имевшем каких-либо последствий. Скорее всего, он просто не знал, где и когда родился. «Отец был рабочий, умер в 1921 г. Мать умерла в 1917 г. Родственники: один дядя – командир Красной армии, второй – колхозник»⁴⁸. Позже, по всей видимости, узнал и уточнил свои анкетные данные. Он был не уроженцем г. Гродно, а выходцем из коренной великорусской губернии.

Рельеф местности, где Михаил Данилкин провел детство, представлял собой холмистую, изрытую оврагами поверхность, неудобную для ведения сельского хозяйства. Земля изобиловала крупными и мелкими камнями. Только близ лесных массивов попадались плодородные участки. Большинство жителей были горожане. Люди, жившие крестьянским трудом, с большим или меньшим постоянством занимались отхожим промыслом. По оценке современного экономиста-аграрника, «в промышленном районе неблагоприятные политические условия и относительное (к населению) сокращение производства хлеба не отражались так тяжело на благосостоянии населения, как в центральном земледельческом районе, потому что промыслы крестьян спасали их от голодовок»⁴⁹.

⁴³ Анкета арестованного Данилкина М.Т. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 1. Л. 23.

⁴⁴ См.: РОССИЯ: Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. С. 107.

⁴⁵ Протоколы заседания Кунгурской партийной конференции от 13.10.1937 // ПермГАСПИ. Ф. 970. Оп. 3. Д. 152. Л. 128.

⁴⁶ Пчела – Дмитриеву. 18.05.1938 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 5. Д. 98. Л. 43.

⁴⁷ Лукин – ЦК ВКП(б). 29.04.1938. Копия. Машинопись // ПермГАСПИ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 21. Л. 57–58.

⁴⁸ Протоколы заседания Кунгурской партийной конференции от 13.10.1937 // ПермГАСПИ. Ф. 970. Оп. 3. Д. 152. Л. 128.

⁴⁹ Маслов П.П. Развитие земледелия и положение крестьян до начала XX века // Общественное движение в России в начале XX века / под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. 1. Предвестники и основные причины движения. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1909. С. 10.

Отхожим промыслом занимался и отец Михаила Данилкина. В шестом пункте анкеты Михаил привык писать: из рабочих. В крестьянской стране такое происхождение было редкостью, дорогим подарком от родителей. На самом деле никаким пролетарием Тихон Данилкин не был. В отхожий промысел уходили крестьяне разного имущественного положения: катали валенки, занимались извозом, подрывались плотниками. Работа на рынок отнюдь не делала их пролетариями, в лучшем случае – кустарями-ремесленниками.

«Данилкин Тихон Тихонович имел специальность шорника и плотника. Ходил по деревням на заработки до революции, а после работал на кожевенном заводе в селе Кузьминки Калужской области»⁵⁰. Казалось бы, что может быть лучше. Сельский житель. Знает ремесло. Такие люди пользуются уважением среди соседей. На самом деле все было иначе. Отец, больной и опустившийся человек, пил мертвую, своего хозяйства не имел, перебивался случайными заработками. Медленно угасал от водки и туберкулеза. Мать – Новикова Марфа Павловна – страдала умопомешательством, долго лечилась в психиатрической больнице. Тихон Тихонович расстался с ней и женился во второй раз. Об этой женщине не сохранилось никаких сведений, даже имени. Что касается родной матери, то Михаил, по-видимому, больше с ней не поддерживал никаких отношений (Марфа Павловна умерла в 1940 г.).

Деградирующий от постоянного пьянства отец издевался над ребенком. В разговоре с врачами 40-летний мужчина вспомнил самое яркое детское впечатление: «Отец ему – семилетнему ребенку – наливал целую кружку самогона и заставлял пить и не морщиться»⁵¹. Мог, конечно, Михаил Данилкин и преувеличить, раскрасить в духе А.М. Горького детское воспоминание или ошибиться в датах. Отец умер, когда Михаилу было семь лет. Если не ошибся, картина приобретает гротескный вид: умирающий отец напутствует своего сына стаканом самогона.

Если с точки зрения анкеты Михаил Данилкин имел завидное происхождение, то односельчане имели на этот счет противоположное мнение. Душевное нездоровье, алкоголизм, нищета – все это во многом обусловило судьбу деревенского мальчишки. Дурная наследственность сказалась на его психическом здоровье, понизила сопротивляемость алкогольной зависимости. Детские впечатления наложили отпечаток на формирование социальных ценностей. Стойкая неприязнь к быту, ненависть к обеспеченным людям, неукротимая тяга к бедности сопровождали Михаила Данилкина всю его жизнь... Конечно, он находил оправдание своим чувствам в социалистических идеалах, но на самом деле отталкивание от быта, бегство от повседневности являлись верными признаками его неустроенности, неукорененности в социальной среде.

После смерти отца, в декабре 1921 г., 7-летний Мишутка (так он сам назвал себя в официальном письме, отправленном в Союз писателей СССР) ушел в люди. Мачеха его бросила. Он жил у одних родственников, потом уходил к другим, нанимался к чужим людям, менял хозяев, переходил из села в село в родном уезде. В поселке Устье несколько лет пас скот у приютившего его крестьянина. Позднее он батрачил в поселке Заречье. Жизнь Михаила до 1925 г. так и протекала – в крестьянском труде летом и учебе в сельской школе зимой.

Окончив начальную школу, в одиннадцать лет Данилкин сбежал в Москву. Там, по его словам, беспризорничал⁵².

⁵⁰ Протокол допроса Данилкина М.Т. от 17.01.1953 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 1. Л. 23.

⁵¹ Акт судебно-психиатрической экспертной комиссии. 28.02.1953 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 3. Л. 176–178.

⁵² На партийной конференции в г. Кунгуре состоялся примечательный диалог: «Вопрос: Были ли судимости? Ответ: Нет. Вопрос: Приводы были? Ответ: Когда беспризорничал, было два привода. Вопрос: Когда пошел беспризорничать, знал, что попадешь в преступный мир? Ответ: Над этим не задумывался, не понимал» (Протоколы заседания Кунгурской партийной конференции от 13.10.1937 // ПермГАСПИ. Ф. 970. Оп. 3. Д. 152. Л. 128–128(об.)).

В августе 1927 г. Данилкин вернулся в родные края, где на станции Спас-Деменск был снят с поезда и направлен в школу крестьянской молодежи в село Петроселье.

Трехлетние школы крестьянской молодежи (ШКМ) были созданы Наркомпросом в 1924 г. как особая вторая ступень советской трудовой школы. В школу принимали сельских жителей, умеющих читать, писать и считать. По замыслу организаторов, ШКМ должны были помочь культурному росту крестьян, приобщить к азам сельскохозяйственной науки, а с ними к большевистскому языку и цивилизованным моделям поведения⁵³. XIV партийная конференция РКП(б) (апрель 1925 г.) среди важнейших политических задач указала на «развертывание культурного строительства в деревне (школы, библиотеки, избы-читальни и т. д.)»⁵⁴. В 1924 г. ШКМ было всего несколько десятков, в 1926 г. их насчитывалось уже около 600⁵⁵.

ШКМ были чем-то вроде профессионального училища, в котором курсанты могли выдержать испытания за школу повышенного типа, попросту говоря, семилетку. К слову сказать, семилетние школы в деревне ликвидировали. Сельские педагоги перешли на работу в ШКМ.

Так, в профессиональную школу в селе Петроселье пришел педагог-словесник, приобщивший бывшего беспризорника к русской литературе XIX в. Данилкин тут же решил попробовать свои таланты на поэтической ниве. Газета «Смычка» в 1928 г. опубликовала его стихи. Какие и о чем – неведомо. Больше М.Т. Данилкин стихов не писал, о чем впоследствии жалел: «Дурак, что забросил детские увлечения стихами»⁵⁶. Увлекся Владимиром Маяковским, «грозную поэзию которого всерьез с отроческих лет полюбил»⁵⁷.

Уроки политграмоты утвердили юного романтика в уверенности, что история страны вершится в столице, и в 1929 г. он снова сделал попытку обосноваться поближе к Москве. Однако недостаточные заработки помощника машиниста водокачки в совхозе имени Алешина под Москвой, где он обосновался, вынудили его вновь вернуться в Петроселье. Сложно сказать почему. В селе Жерелево его берут на работу секретарем сельского совета. Выборы состоялись недавно. Из числа избирателей были исключены зажиточные крестьяне. В Советы пришла беднота. Люди, как правило, малограмотные, к секретарской работе непригодные. Вот тут-то и пригодился выпускник школы крестьянской молодежи: из бедняков, но грамотный. Комсомолец. В комсомол Михаил вступил «...на четырнадцатом году»⁵⁸, т. е. в 1927 или 1928 г. Для коллективизации такие люди были необходимы. Должность незаметная. Жалованье малое. Власть большая. Списки на раскулачивание составляли на собраниях бедноты, но оформлял их секретарь. Он же выписывал справки, которые крестьяне обязаны были предъявлять начальству при выезде из родного села. Секретарь сельсовета часто бывал и селькором: сообщал в газету о происках классового врага, о проступках сельской администрации, о первых шагах колхозного строительства. Кроме письменных дел у сельских комсомольцев были и иные обязанности: раскулачивать зажиточные хозяйства, конвоировать выселяемых крестьян, охранять арестантские помещения и превращенные в тюрьму на колесах товарные вагоны, в которых

⁵³ «Задача школы крестьянской молодежи – дать советского крестьянина, культурного земледельца и деревенского кооператора. Программа школы должна охватывать три комплекса дисциплин: социально-экономический, естественно-исторический и производственно-технический. Школа в результате своей работы должна дать: а) общее культурное развитие и политическое воспитание в масштабе, позволяющем самостоятельно разбираться в окружающей обстановке, в событиях и быть сознательным активным гражданином совреспублики, строителем новой деревни; б) агрономическое образование в размерах, позволяющих без материальной и технической помощи государства через кооперацию неуклонно повышать производительность крестьянского хозяйства». *Березов Л.* Советская производственно-трудовая школа. <<http://oldmemory.ru/?file=sovprotrud-32>> (дата обращения: 11.05.2018).

⁵⁴ XIV конференция РКП(б). Стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1925. С. 275.

⁵⁵ См.: *Лукьянец И.* ШКМ должна стать кузницей колхозных кадров // Коммунистическая революция. 1931. № 8.

⁵⁶ *Данилкин М.Т.* Сокровенные мысли // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 3. Л. 36.

⁵⁷ *Данилкин М.* Ответ моим обвинителям // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 2. Л. 11.

⁵⁸ Там же.

вместе запирали мужчин, женщин, детей⁵⁹. Михаил Данилкин во всем участвовал, всему верил, по всей видимости, радовался, что смог свою ненависть к богатым выплеснуть наружу, всегда вспоминал о коллективизации с удовольствием.

Михаил Данилкин гордился тем, что принадлежал к сталинскому поколению: «Я входил в большую жизнь под призыв Сталина: “Молодежь – наша будущность, наша надежда, товарищи”. Еще мальчишкой был на первых хлебозаготовках, участвовал в коллективизации и раскулачивании, был селькором в ту пору, когда это являлось подвигом, постоянно грозило смертью»⁶⁰. Заметим, что риск, конечно, был, но отнюдь не такой большой. Обиженные крестьяне могли и обидеть юного разоблачителя, но до смертоубийств доходило редко. Зато сказано с пафосом в духе ушедшей эпохи: «сталинский призыв», «подвиги». Такая экзальтированность была свойственна неопитам коммунистической веры. Идеология была горячей, действовавшей как фермент в сознании людей, переделывавших себя «в субъекта с определенными и осмысленными биографическими чертами»⁶¹. Некоторые сохранили в себе этот пыл на десятилетия. М.А. Лифшиц, называвший себя «сыном Октябрьской революции», на склоне лет объяснял свои принципы:

Годы революции, Гражданской войны, испытания времени – главные переживания моей юности. Грандиозные события не проходят без следа. Раз пережив их, человек, затронутый великим энтузиазмом эпохи и занявший с молодых лет определенную позицию, не может уже потом изменить свою перспективу⁶².

Свою ближнюю перспективу юный коммунар Данилкин изменил, в деревне не задержался. В середине апреля 1930 г. он едет в Москву на строительство института им. Ломоносова⁶³, где и работает в течение двух месяцев. Так поступал его отец. Так делали иные крестьяне, отходящие на заработки в город. Впрочем, у Михаила Данилкина могли быть совсем иные резоны. После статьи Сталина «Головокружение от успехов» ЦК ВКП(б) принимает соответствующее постановление, в котором обязывает местные партийные организации *прекратить... практику принудительных методов коллективизации*. В постановлении есть особый пункт, гласящий: «Работников, не умеющих или не желающих повести решительную борьбу с искривлениями партийной линии, смещать с постов и заменять другими»⁶⁴. Юного комсомольца вполне могли прогнать с должности, или он сам счел за лучшее убраться от греха подальше.

Из Москвы Данилкин по комсомольской мобилизации отправляется на Урал, в г. Березники, где начинается строительство химического комбината, позднее разделенного на несколько предприятий союзного значения: «Березниковский азотно-туковый завод, Содовый завод, Анилиноокрасочный завод и ТЭЦ-4»⁶⁵.

⁵⁹ «На деле раскулачивание происходит гораздо суровее, чем пишут об этом». Из дневника Ф.Д. Покровского 15.01–6.04.1930 // Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. М.: Политиздат, 1989. С. 312–313.

⁶⁰ Данилкин М. Ответ моим обвинителям // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 2. Л. 11.

⁶¹ Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 29.

⁶² Из автобиографии идей. Беседы М.А. Лифшица // Контекст 1987. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1988. С. 271.

⁶³ Протокол допроса Лоскутова М.Н. от 13.03.1953 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 1. Л. 24. Строил Михаил Данилкин корпуса Московского химико-технологического института, в апреле 1930 г. выделенного из состава 2-го МГУ. Имя М.В. Ломоносова ему присвоят только в 1940 г. См.: Биглов Р.Р. Очерки истории МИТХТ. М.: Издательско-полиграфический центр МИТХТ им. М.В. Ломоносова, 2010.

⁶⁴ О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении. Постановление ЦК ВКП(б) 14.03.1930 // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 5. М.: Политиздат, 1984. С. 103–104.

⁶⁵ Доклад о 20-летию Березниковского азотно-тукового завода. 1952 // ГАПК. Ф. р-1656. Оп. 1. Д. 101. Л. 11.

Почему Данилкин так быстро покинул Москву, сейчас уже не выяснить. Нажали в райкоме? Столкнулся на стройке с кем-то из раскулаченных? Почувствовал себя в стороне от настоящего дела? Просто оголодал? Пообещали должность? Захотел увидеть страну? В шестнадцать лет и это довод. Так или иначе, Михаил отправляется в город, ставший его второй родиной.

Комсомольцы (два эшелона) прибыли по путевке ЦК, и встречали их с оркестром. «Нет, это неплохо – брать с боем века, ведь зреет эпоха в Березниках!» – было написано на одном из вагонов. «Зима. Январь, – вспоминает один из них. – Когда в Москве давали путевку, предупреждали: Верхнекамье – глушь. Между прочим, туда ссылают. Из Москвы выехал щеголем, в ботиночках, в пальто, перешитом из солдатской шинели, и в фуражке ленинградской одежды. В Москве – минус 27 градусов, в Перми – минус 40. Рука сквозь перчатку пристаёт к ручке двери вагона⁶⁶.

Начинал Михаил Данилкин как рабочий-бетонщик, но в котловане не задержался, стал выдвиженцем. Так в те времена называли рабочих от станка, назначенных на руководящую должность в партии, в комсомоле или хозяйственном аппарате. Данилкин пошел по комсомольской линии. В связи с директивой ЦК об увязке партийной учебы с практикой социалистического строительства на Березниковском химкомбинате были созданы так называемые *школы-бригады*. Основным ядром ее были партийцы и комсомольцы, вокруг которых группировались ударники-беспартийные. В школе учились политграмоте, *увязывая* ее с производством. Скорее всего, речь шла о регулярных собраниях, на которых принимали встречные планы, отчитывали нерадивых и разучивали лозунги. Политическое просвещение (так это называлось) было инструментом в деле трудовой мобилизации. Пропагандист присматривался к рабочим, выдавал им дополнительные поручения и рекомендовал отличившихся на ответственную работу⁶⁷. По-видимому, именно здесь, в школе-бригаде, комсомолец Данилкин начал свою политическую карьеру. Бетонщиком Михаил был недолго. Товарищи по работе его запомнили другим: «Данилкин был или секретарем комсомольской организации завода, или еще кем-то, точно я не знаю, но, во всяком случае, в то время он был на комсомольской или партийной работе и несколько раз приходил к нам в модельный цех с беседами и докладами»⁶⁸.

Данилкин учился на подготовительных курсах какого-то учебного заведения, но никуда не поступил. Он избрал для себя другую стезю. В 17 лет в январе 1932 г. по рабочему списку он вступил в ВКП(б), а через несколько месяцев стал секретарем комсомольской организации химического комбината. До 1953 г. Михаил Данилкин больше не занимался физическим трудом. Такая ситуация вполне типична для начала 1930-х годов. Рабочие от станка, наскоро принятые в партию, тут же переводились на административную работу. Шла чистка государственного аппарата от классово чуждых элементов. Анализ партийной переписи тех лет свидетельствует, что около трети принятых в партию «рабочих» уже занимались административной деятельностью либо учились, а около четверти «крестьян», завербованных в партию, к тому времени уже служили в учреждениях⁶⁹.

Партия росла как на дрожжах. За годы первой пятилетки ее численность выросла вдвое. В толпе новичков терялись ветераны большевизма. Старые большевики собирались в тесных квартирах, ворчали, бранили не оправдавших их надежд вождей, вспоминали славные дни

⁶⁶ Федотова Св. Гигант химии // Новый компаньон. 26.02.2002. <<https://www.newsko.ru/articles/nk-236405.html>> (дата обращения: 02.05.2018).

⁶⁷ Евдокимов К. Школа-бригада – основная форма партпроса на Березниковском химкомбинате // Коммунистическая революция. 1931. № 12. С. 52–55.

⁶⁸ Протокол допроса Лоскутова М.Н. от 13.03.1953 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 1. Л. 109.

⁶⁹ Шапиро Л. КПСС. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd., 1990. С. 444.

«военного коммунизма», вздыхали: «Если бы ожил Ильич...», вполголоса ругали Сталина, много пили и с трудом тянули тяжелеющую партийную ношу. Их оттесняли все дальше к кулисам политической жизни. Советская литература исподволь формировала образ вышедшего в тираж ветерана, *хромающего то на правую, то на левую ногу*. В среде старых борцов в том же 1932 г. раздался слабый голос протеста: *платформа Рютина*.

Значительная часть членов партии живет в настоящее время просто с выпотрошенными душами, изъеденная всеобщим скептицизмом и разочарованием. Эта часть членов не только не верит в сталинскую «генеральную линию», но она потеряла в результате этой линии и коммунистические убеждения вообще. Одни из них в личной жизни превращаются просто в мещан и обывателей, другие погружаются в непробудное пьянство, третьи начинают развратничать и т. д. [...] Политбюро и Президиум ЦКК, секретари областных комитетов превратились в банду беспринципных политиканов и политических мошенников. Они на деле рассматривают партию лишь как свою вотчину. Не они для партии, а партия для них⁷⁰.

Протест не был услышан. Ропот ветеранов революции заглушали восторженные партийные новобранцы, тысячами выпускаемые на политическую авансцену. У них не было прошлого. Они не знали настоящего. Будущее им обещали вожди. Сегодня им предоставляли ответственные посты, а с ними и чувство причастности к небывалому историческому эксперименту – строительству социализма в одной, отдельно взятой стране. Они не стеснялись петь с чужого голоса, так как своего не имели, охотно подчинялись военным командам и приказывали сами. Они верили Сталину. Михаил Данилкин был одним из них. Он агитировал, призывал, разоблачал, выступал с докладами и составлял резолюции, писал заметки в стенгазеты, организовывал митинги и субботники, назначал в ударники и разжаловал в отстающие, в общем, всей душой, с не остывающим энтузиазмом выполнял партийные поручения, учился быть настоящим большевиком⁷¹.

Комбинат строили штурмовым методом: «...люди работали по 16 часов, без выходных и праздников»⁷². Не было чертежей, постоянно менялись проектные документы, «что приводило к необходимости производить переделы уже законченных работ... Строительство первой очереди Березниковского химического комбината началось, по существу, без смет... Ко всему, ошибки, некомпетентность, нехватка квалифицированных кадров, недостаточный уровень образованности и культуры приводили к нарушениям технологических режимов и тяжелейшим авариям. Так, например, взрыв газгольдера в июне 1932 г., пожар на конверсии в декабре 1934 г. привели не только к значительным разрушениям на комбинате, но и к гибели людей. Не было конца мелким авариям, в которых люди теряли свое здоровье»⁷³.

Сотрудники ОГПУ доносили начальству: «Частые аварии и неполадки механизмов, неудовлетворительное адм[инистративно] тех[ническое] руководство. Варварское использование механизмов. Простой ТЭЦ из-за отсутствия топлива [...] Некоторые инженерно-технические работники выражают мнение, что за короткий срок работы (серно-кислотного. – А. К., О. Л.) завода столько сожжено моторов, что едва ли можно столько сжечь за 20 лет правильной

⁷⁰ Сталин и кризис пролетарской диктатуры. Платформа союза марксистов-ленинцев (Группа Рютина) // Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов / под общ. ред. А.Н. Яковлева. М.: Политиздат, 1991. С. 424–425.

⁷¹ По Й. Хелльбеку, самостоятельно вырабатывал категории и механизмы идентификации с Советской властью. См.: Хелльбек Й. Указ. соч. С. 75.

⁷² Федотова Св. Указ. соч.

⁷³ Сидорова И.Т. Становление химической промышленности в Верхнекамье на примере Березниковского химического комбината // Вестник Московского государственного областного ун-та. Сер. История и политические науки. 2010. № 2. С. 81–83.

эксплуатации»⁷⁴. Начальник Ворошиловского отдела НКВД А.П. Моряков пытался возбудить уголовные дела по ст. 58-7 («Вредительство») УК РСФСР на руководство комбината, но не получил санкции со стороны руководства Управления НКВД по Свердловской области: «Одновременно я считаю необходимым сообщить следствию, что благодаря неправильной политике Решетова⁷⁵ я не мог оперативно развернуться. На возбуждаемые мною вопросы об арестах внимания не обращалось, и санкции на аресты не давались», – впоследствии говорил он на следствии⁷⁶.

Завод строили: артельщики, прибывшие со своим инструментом за заработком, добровольцы, мобилизованные ЦК ВЛКСМ, заключенные и трудпоселенцы, иностранные специалисты. «Всего на строительстве Березниковского химического комбината было задействовано около 40 иностранных фирм»⁷⁷. Счет иностранным специалистам шел на десятки. Трудпоселенцев было много больше. «Вследствие трудности вербовки рабочих, наряду с 500 свободными рабочими там работают еще 12 000 ссыльных, которые исполняют земляные работы и работы по устройству улиц. Лишь самая незначительная часть из них, около 120 человек, работают в шахте по добыче необработанных солей», – читаем в газетном отчете немецкого специалиста, отбывшего в Германию⁷⁸. Руководство химического комбината – М.А. Грановский⁷⁹ и В.П. Шахгильдян⁸⁰ посылали запросы в НКВД с требованиями прислать новые партии ссыльных. В разговоре с работником райкома Шахгильдян как-то заметил: «Если бы не спецпереселенцы, то строительство химкомбината осложнилось бы»⁸¹.

⁷⁴ Докладная записка. О состоянии Березниковского химкомбината и политнастроениях рабочих, ИТР, химиков по состоянию на 5 августа 1933 г. // ПермГАСПИ. Ф. 59. Оп. 3. Д. 142. Л. 77–85.

⁷⁵ Решетов Илья Федорович (1894–1937) – комиссар госбезопасности 3-го ранга, в 1934–1936 гг. начальник управления НКВД по Свердловской области. Из студентов. В прошлом социалист-революционер, присоединился к большевикам в 1920 г., тогда же был принят на службу в ВЧК. В 1936–1937 гг. помощник начальника Транспортного – 6-го отдела ГУТБ НКВД СССР. Арестован 8 июня 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 10 августа 1957 г. См.: *Решетов И.Ф.* Биографический словарь. <<http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/almanah-dictbio/1017166/15>>.

⁷⁶ Протокол очной ставки между арестованными Павловским Моисеем Абрамовичем и Моряковым Александром Петровичем от 15.10.1937 // ПермГАСПИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 15357. Т. 1. Л. 72(об.).

⁷⁷ *Сидорова И.Т.* Участие иностранных фирм в строительстве Березниковского химического комбината на этапе индустриализации // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2011. № 4. С. 77.

⁷⁸ Статья «Калийная индустрия в Советской России», опубликованная в газете «Пролетарий» 31 октября 1931 г., г. Ганновер. Копия. Машинопись // ПермГАСПИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 30. Л. 41–42.

⁷⁹ Грановский Михаил Александрович (1893–1937 гг.) – уроженец г. Звенигородска Киевской губернии. В 1917 г. окончил коммерческо-техническое отделение Московского коммерческого института по специальности «физическая химия». С 1916 г. в революционном движении, член левомышленнистской организации. С марта 1920 г. – член РКП(б). В 1918–1930 гг. на ответственной хозяйственной работе. В 1930 г. назначен на должность начальника строительства Березниковского химического комбината. В 1933 г. за заслуги в строительстве Березниковского химического комбината награжден орденом Ленина. Делегат VI съезда Советов СССР (1931 г.) и XVII съезда ВКП(б) (1934 г.), член ВЦИК 15-го и 16-го созывов. С апреля 1935 г. – начальник Центрального управления железнодорожного строительства СССР. С января 1936 г. – редактор журнала «Строитель железных дорог». В 1936 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени. Арестован 5 ноября 1937 г. Приговорен к ВМН. Реабилитирован посмертно в 1956 г. (Верхнекамье: история в лицах. Коноваловские чтения. Вып. 4. Материалы краеведческих Коноваловских чтений 1999, 2000 гг. Березники, 2001. С. 160–163).

⁸⁰ Шахгильдян Ваган Петрович (1901–1938) – партийный работник, член РКП(б) с 1917 г. 1929–08.1930 – ответственный секретарь Верхне-Камского окружного комитета ВКП(б) 08.1930–1933 – ответственный секретарь Березниковского районного комитета ВКП(б) (Уральская область), 1933–1935 – начальник Политического отдела железной дороги имени Л.М. Кагановича, 1935– 08.1937 – начальник железной дороги имени Л.М. Кагановича. Награды: орден Ленина (27.12.1933, за выдающиеся заслуги по организации партийно-массовой работы на строительстве Березниковского химического комбината, обеспечившей успешное освоение сложного оборудования и достижение проектных показателей), орден Трудового Красного Знамени (04.04.1936, за перевыполнение государственного плана железнодорожных перевозок 1935 г. и I квартала 1936 г., за достигнутые успехи в деле лучшего использования технических средств железнодорожного транспорта и его предприятий). 11.08.1937 арестован // <http://ru.hayazg.info/%D0%A8%D0%B0%D1%85%D0%B3%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B4%D1%8F%D0%BD_%D0%92%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%BD_%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87> (дата обращения: 25.04.2017).

⁸¹ Протокол допроса Милукова А.И. от 16.07.1937. Машинопись // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15225. Л. 14.

Спецпереселенцы вместе с «вольными» терпели голод, нужду, холод. Они трудились на дурно организованном, опасном и скудно оплачиваемом производстве. Стояли в долгих, безнадежных очередях за хлебом и мануфактурой. Затем возвращались в тесные бараки.

В нашем распоряжении имеется интересный документ. Доклад анонимного немецкого инженера о строительстве неназванного промышленного объекта на Урале в 1931–1932 гг. Не установлен и адресат, которому предназначался документ. Судя по количеству неизвестных, речь шла о разведывательной организации – правительственной или частной. В этом докладе немецкий инженер подробно описывает быт советских рабочих: «Устройство рабочих – одна из самых мрачных глав. Мужчины, женщины и дети живут в громадных бараках, предназначенных на 88 спальных мест. Во многих из них, однако, проживает по 100 человек и более. На деревянных нарах; подушку заменяет им полено; нет ни матрасов, ни одеял. Люди или укрываются собственным пальто, или спят так. О раздевании нельзя и подумать. Месяцами люди не снимают одежды ни днем, ни ночью. На окнах двойные рамы, которые нельзя открыть, без форточек. И никто эти бараки не чистит»⁸².

В докладной записке Ворошиловского оперсектора ОГПУ говорилось о том же самом:

В санитарном отношении в бараках и деревянных домах неблагополучно, почти у большинства домов помойные ямы и уборные находятся вблизи домов, полуоткрытого типа, прочищаются недостаточно, и в особенности в жаркое время распространяется зловоние в квартирах нижних этажей. [...] Не единичны случаи, когда филиалы возвращают фабрикам-кухням обеды обратно, так как рабочие от обедов отказываются. В котле зачастую обнаруживаются посторонние предметы, как то: гвозди, каблуки от старой обуви, тараканы и проч. (фабрика-кухня № 7). Создаются громадные очереди до 5 тысяч и более человек за хлебом, простаивая целые сутки с 4 до 5 утра. Кроме того, зачастую хлеба не хватает. [...] В результате чего получается давка в очередях, сопровождающаяся ломанием дверей, битьем окон, ругательствами по адресу Соввласти: «Работать заставляют как лошадей, а кормить не хотят, с голоду хотят заморить, сами-то позасели в кабинетах, отъели брюха, а рабочие гибнут с голоду. Не стало старых буржуев, так появились свои – советские». Отмеченные выше недостатки и настроения используются а[н]тисоветскими элементами, распускающими провокационные слухи и будирующими массу⁸³. «Свои советские буржуи» – это руководители комбината, жившие в иных условиях. Немецкие коммунисты, работавшие на комбинате, возмущались привилегированным положением начальства: «Для меня непонятно, почему дети Грановского в школу ездят на лошади, а дети рабочих ходят пешком. Почему руководители партийных и проф союзных организаций во время демонстрации ездят на машинах, а не хотят идти пешком вместе с народом и демонстрацией?»⁸⁴.

Михаил Данилкин не был слеп, но видел в бытовом неустройстве только временные трудности. Сознательный рабочий должен смотреть дальше и выше, видеть исторический смысл

⁸² Die schwierige Arbeits- und Lebensbedingungen der Arbeiter, deportierte Bauern, die GPU, Probleme des Industriebaus/ Ein deutscher Bauingenieur erlebt die Sowjetunion im Umbruch, 1930 bis 1932 // Die Sowjetunion. Von der Oktoberrevolution bis zum Stalins Tod. Bd. 2. München: Dt. Taschenbuch-Verl, 1987. S. 317.

⁸³ Докладная записка. О состоянии Березнико<вского>химкомбината и политнастроениях рабочих, ИТР, химиков по состоянию на 5 августа 1933 г. // ПермГАСПИ. Ф. 59. Оп. 3. Д. 142. Л. 95–96.

⁸⁴ Протокол собрания немецких коммунистов, работающих на Березниковском химическом комбинате, по обсуждению вопросов об условиях их существования и их политических настроениях 13 января 1933 г. Г. Березники Свердловской области // ПермГАСПИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 65. Л. 2.

своей работы. Тем более что в жизни комбината была и другая – пафосная – сторона: передовицы в «Правде», митинги, торжественные собрания, шествия, встречи с Серго Орджоникидзе, украшенный знаменами клуб, бравурные звуки духовых оркестров, пламенные речи партийных ораторов. Николай Островский обращался к комсомольцам аммиачного завода: «Труд, ставший делом чести, славы, доблести и героизма, рождает новых героев, не менее мужественных, чем герои Гражданской войны. Нужно только понять и прочувствовать всю героичность того, что мы с вами делаем. Тогда никакие трудности и лишения не смутят нас. Мы уже победили окончательно и навсегда в своей стране. Разгромили и уничтожили тех, кто становился нам поперек пути, – кулака, троцкистско-зиновьевское охвостье, и победно движемся вперед. “Будущее принадлежит нам!” – так же, как и героическое настоящее. Привет вам, мои молодые товарищи! Вы деретесь не хуже нас. И когда надо будет взяться за оружие, вы покроете себя неувядаемой славой... Борьба продолжается. Каждый из нас на посту и делает свое дело. Крепко жму ваши руки. Преданный вам Н. Островский. Сочи, 13 марта 1935 г.»⁸⁵.

Освобожденный пропагандист Березниковского райкома комсомола Михаил Данилкин быстро освоил этот язык. Был замечен партийным руководством и переброшен в декабре 1931 г. на более ответственную работу – секретарем коллектива ВЛКСМ механического завода. Короткое пребывание на новом посту, и в мае 1932 г. последовало новое назначение – заведующим культпросветотделом райкома комсомола. И опять ненадолго. Вскоре его рекомендовали секретарем комитета комсомола Березниковского химкомбината. Так Михаила Данилкина ввели в номенклатуру Свердловского обкома ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ. За два года Михаил Данилкин сменил четыре должности, перемещаясь неуклонно вверх по карьерной лестнице. Такое восхождение было возможно только по инициативе и при поддержке вышестоящего партийного начальства, а именно В.П. Шахгильдяна – человека влиятельного, властного, энергичного, пользовавшегося доверием в столичных кабинетах у Серго Орджоникидзе и Л.М. Кагановича, одного из столпов Свердловской областной организации ВКП(б). Он был большим мастером по созданию собственной свиты (артели) из партийных работников: выдвигал на новые должности, представлял к орденам, оказывал особое доверие. Руководителем В.П. Шахгильдян был жестким и непреклонным. Молодой комсомольский активист, каким-то образом попавший в эту артель, многому научился у своего патрона: отдавать приказы, требовать беспрекословного подчинения. При обсуждении рукописи романа М.Т. Данилкина «Новоселье» историк Ф.С. Горовой выбрал писателя: «Неправильно показывает автор партийное руководство. Образы работников райкома даны неудачно. Иногда партработники не руководят, а командуют»⁸⁶. Других методов руководства Данилкин не знал.

Когда В.П. Шахгильдян в 1933 г. был награжден орденом Ленина и переброшен на другую работу – начальником политотдела Пермской железной дороги им. Кагановича, он по обычаю того времени взял с прежнего места работы своих людей. По инициативе В.П. Шахгильдяна Свердловский обком ВКП(б) в октябре 1933 г. мобилизовал Данилкина на железнодорожный транспорт: в политотдел Пермской железной дороги инструктором по комсомолу.

В июне 1937 г. карьера В.П. Шахгильдяна, ставшего к тому времени начальником Пермской железной дороги, оборвалась. Областная Свердловская партийная конференция, созванная после ареста первого секретаря обкома ВКП(б) И.Д. Кабакова, заклеила всех членов бывшего партийного бюро вольными или невольными пособниками врага народа, отказала им в доверии, не избрав в новый состав обкома. За несколько дней до этого В.П. Шахгильдяна разоблачали на городских партийных конференциях:

⁸⁵ Островский Н. Комитету и комсомольцам аммиачного завода в г. Березниках. 13.03.1935. <http://rulibs.com/ru_zar/prose_su_classics/ostrovskiy/2/j28.html> (дата обращения: 13.05.2018).

⁸⁶ Обсуждение романа Данилкина «Новоселье». Протокол от 08.02.1952 // ГАПК. Ф. р-1188. Оп. 1. Д. 3. Л. 39.

«Разве не Шахгильдян выдал характеристику Турку, врагу народа, что этот Турок⁸⁷ был его заместителем, разве Шахгильдян не насаждал сволочью других работников – и до сих пор Шахгильдян продолжает свою подлую работу. [...] По-моему, Шахгильдян был верным спутником Кабакова. Этому хламу не место в нашей партии, в руководящем аппарате»⁸⁸. В июле 1937 г. один из ближайших сотрудников начальника железной дороги им. Кагановича дал на него убийственные показания. На вопрос: «Кто входил в состав уцелевшей части к[онтр]р[еволюционной] троцкистской организации, существовавшей на дороге имени Кагановича», – последовал ответ: «1) Шахгильдян Ваган Петрович, бывш<ий> начальник дороги имени Кагановича, фактический организатор и руководитель всей к<онтр>р<еволюционной> работы на дороге. Трудно сказать, кому в этом отношении принадлежит первенство: ему или Турку, по-моему, ему, так как он создал для Турка все условия, которые обеспечивали ему успешность его к[онтр]р[еволюционной] деятельности»⁸⁹.

В.П. Шахгильдян был арестован 11 августа 1938 г. Спустя два месяца М.Т. Данилкин впервые отрестился от своего бывшего патрона: «Хвостом Шахгильдяна себя не считаю, был переброшен по телеграмме тов. Федорова, копия которой у меня сохранилась. Отвода не поступило. Связи с Шахгильдяном не имел абсолютно никакой, кроме служебной. За правильность этого готов нести любую ответственность»⁹⁰.

В романе «Новоселье», отданном М.Т. Данилкиным в местное издательство в 1948 г., среди отрицательных персонажей был матерый троцкист Краснопевцев, прибывший на стройку по направлению ЦК ВКП(б). Рецензенты нашли этот образ неудачным: «Троцкисты показаны примитивными и глупыми – не те враги, с которыми тогда боролась партия. Враг был умнее, сильнее, коварней, чем показал автор». М.Т. Данилкин с критикой не согласился: «Враг тогда еще не был до конца раскрыт. Ему давали возможность подкрепить словесные покаяния делом»⁹¹. Роман планировали издать в 1950 г.⁹² Однако в печати он так и не появился. Рукопись утеряна. Мы так и не узнали, кого изобразил автор под именем Краснопевцева – случайно, не Вагана Петровича ли Шахгильдяна?

В интеллектуальной биографии М.Т. Данилкина березниковская эпопея осталась самым важным и самым ярким событием его жизни. Здесь на его глазах и с его непосредственным участием покоряли природу и переделывали людей. Роман «Новоселье», начатый, по его словам, в 1939 г., был основан «на личных впечатлениях» о строительстве химического комбината. «Основная эстетическая задача – показать, что на первом плане в жизни нашего человека – труд, что главное достоинство современного человека нашей страны – умение трудиться, работать»⁹³. Настоящий советский человек для него – это ударник социалистического производства: бескорыстный, исполненный энтузиазма, готовый пожертвовать собой во имя решения великих задач. Такими красками рисовали строителей комбината газетчики в первую пятилетку, такими их сочинил и Михаил Данилкин. В его воспоминаниях запечатлелся образ наркома, запросто заходящего в бараки, дружески беседующего с землекопами и плотниками, приглашающего бригадира ударников в гости в свою московскую квартиру⁹⁴.

⁸⁷ Турок Иосиф Дмитриевич (1900–1937) – советский железнодорожник. Из крестьян. В 1936 г. – заместитель начальника Пермской железной дороги. Арестован 15 ноября 1936 г. Два месяца не давал признательных показаний. Был одним из подсудимых на январском (1937 г.) процессе «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Расстрелян.

⁸⁸ Стенограмма VI городской партийной конференции, г. Пермь. 26–27.05.1937. Т. 2 // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1334. Л. 44–46.

⁸⁹ Протокол допроса Милюкова А.И. от 16.07.1937. Машинопись // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15225. Л. 10.

⁹⁰ Протоколы заседания Кунгурской партийной конференции от 13.10.1937 // ПермГАСПИ. Ф. 970. Оп. 3. Д. 152. Л. 128(об.).

⁹¹ Обсуждение романа Данилкина «Новоселье» от 08.02.1952 // ГАПК. Ф. р-1188. Оп. 1. Д. 3. Л. 39, 41–41(об.).

⁹² Список книг, вышедших за 1950–1952 гг. (без даты) // ГАПК. Ф. р-1188. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

⁹³ Обсуждение романа Данилкина «Новоселье» от 08.02.1952 // ГАПК. Ф. р-1188. Оп. 1. Д. 3. Л. 38.

⁹⁴ «Когда нарком Орджоникидзе, будучи на стройке, решил посетить прославленного бригадира Ардуанова, то, прийдя к

Строительство комбината стало для Михаила Данилкина своеобразным мерилom для оценки всех событий, ситуаций и людей, с которыми его столкнула судьба.

В 1935 г. Михаил женился на Любви Надымовой и тут же был призван на действительную службу в Рабоче-крестьянскую Красную Армию. Сначала он окончил курсы радистов в г. Свердловске, а затем и курсы политруков Уральского военного округа. Жена с двумя маленькими детьми, по всей видимости, переехала поближе к мужу.

Михаил Данилкин служил в те годы, когда происходила кровавая чистка РККА. Одни погибали в подвалах НКВД, на дальних стрельбищах, в глубоких оврагах. Другие делали головокружительную карьеру. Михаил Тихонович Данилкин окончил курсы и получил звание старшего политрука в сентябре 1936 г., месяцем раньше в другом военном округе с тем же званием после курсов был выпущен его ровесник Андрей Семенович Николаев. Через год молодого политрука назначают начальником политотдела Академии Генерального штаба РККА, еще через год – членом Военного совета Киевского особого военного округа. Присвоят звание дивизионного комиссара⁹⁵. В том же 1938 г. «политрук-редактор» полковой газеты М. Данилкин, в карьере не преуспев, уволился с военной службы. В мирное время он служить не хотел⁹⁶.

Он не умел бороться с врагами народа, более того, заступался за тех, кого, по его мнению, обвинили несправедливо. За такую *непартийную позицию* летом 1936 г. курсанта Данилкина наказали партийным выговором. На следствии он дал объяснения по этому поводу:

Выговор был объявлен за примиренческое отношение к пропаганде троцкизма, выразившееся в защите курсанта Плотникова Ивана, обвинявшегося в то время в пропаганде троцкизма, в связи с чем он был исключен из партии и с курсов политруков. В 1938 г. ЦК ВКП(б) Плотникова в партии восстановил без всякого взыскания, так как он был исключен необоснованно. После этого в апреле 1939 г. и с меня было снято взыскание, как необоснованно наложенное⁹⁷.

Здесь М.Т. Данилкин перепутал даты. В октябре 1937 г. он отчитывался перед делегатами Кунгурской районной конференции: «На курсах политсостава имел выговор за либеральное отношение к протаскиванию контрреволюционной идеи, выговор сейчас снят»⁹⁸.

Данилкин по праву гордился тем, что на его совести «нет ни одного оклеветанного»⁹⁹.

Непонятное и путаное время, так Михаил Тихонович Данилкин называл ежовщину, оставило глубокий отпечаток в сознании молодого коммуниста. Он пишет об *излишней подозрительности, о неверии в честное партийное слово, о правдобоязни*. Партия, в которую он вступал, рассыпалась на глазах. Его наставники с клеймом врага народа пропадали в небытии. Было репрессировано все руководство Березниковской партийной организации. Его товарищи

нему неожиданно в гости, увидел, как семья пьет чай, сидя на полу. “А где же у тебя, Ардуанов, дети уроки готовят?” – спросил потрясенный нарком. “На подоконнике, товарищ Серго”, – честно ответил первостроитель. “Неужели вы не могли изготовить полдюжины стульев и пару столов для лучшего строителя?” – строго спросил нарком у директора завода. И, уходя, обратился к Ардуанову: “Приедешь в Москву, заходи ко мне – гостем будешь”. Через год Ардуанов поехал в Москву отчитываться о досрочном выполнении заводом плана 1934 г. Орджоникидзе узнал его. “А, Ардуанов, здравствуй! Стулья купил или все еще чай пьешь на полу?” “Купил, товарищ Серго, купил!» (Федотова Св. Указ. соч.).

⁹⁵ См.: Симонов К. Разные дни войны. Дневник писателя. Т. 1. М.: Московский рабочий, 1978. С. 374.

⁹⁶ «Ничего мерзее, отвратительнее армии в мирное время быть не может. Никого не отпускали – нас берегли для предстоящей войны. Эта армия была обреченной на предстоящую войну, когда бы та ни случилась. Но Тимошенко, которого мы называли “всесоюзный старшина”, впервые ввел гауптвахту. Командир имел право бить подчиненного, а за невыполнение приказа – стрелять. Отношение к армии при этом насаждалось какое? – “Армия – это все”, “армия – это молодость страны”. Ненависть к ней зрела внутри, внешне она никак не выражалась. Какое уж там, если командир имеет право съездить тебе по морде, а ты не можешь ответить» (Крышук Н. Грустный человек. Незаконченные разговоры с Александром Володиным // Звезда. 2002. № 2. С. 131).

⁹⁷ Протокол допроса Данилкина М.Т. от 11.02.1953 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 1. Л. 55.

⁹⁸ Протоколы заседания Кунгурской партийной конференции от 13.10.1937 // ПермГАСПИ. Ф. 970. Оп. 3. Д. 152. Л. 128.

⁹⁹ Данилкин М. Ответ моим обвинителям // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 2. Л. 11.

по духу – энтузиасты 1930 г. – гибли один за другим. На смену им приходили ловкачи, записавшиеся в партию после чисток.

Уволившись из армии, М.Т. Данилкин возвращается в Политотдел Пермской железной дороги на ту же должность – инструктора политотдела по комсомолу.

Правда, окружили его здесь новые лица. Репрессии на железнодорожном транспорте по своим масштабам не уступали армейским. «Мой отец был старый железнодорожник, жили мы рядом с наркоматом в доме, где жил комсостав железнодорожного транспорта, – рассказывал на заседании бюро Московского горкома партии в 1962 г. один из приглашенных. – Однажды я пришел домой, мой отец держит коллективную фотографию и плачет. Ни одного не осталось в живых из тех людей, которые были на этой фотографии»¹⁰⁰. Пермскую железную дорогу чистили с особым усердием вплоть до 1939 г. Те, кто уцелел, перевели дыхание.

Инструктором М. Данилкин работал недолго. Спустя два месяца его перевели на должность заведующего отделом партийной жизни в газете «Путевка». В ней он задержался до декабря 1940 г. Потом был отправлен учиться на партийно-политические курсы при Наркомате путей сообщения, по окончании которых Оргбюро ЦК ВКП(б) утвердило его редактором газеты «Омский железнодорожник». Назначение состоялось в июне 1941 г. – за несколько дней до войны.

Михаил Данилкин вернулся в армию в сентябре 1941 г., скорее всего, по партийной мобилизации. Их в 1941 г. было объявлено несколько: в июне от имени ЦК, в следующие месяцы от имени Главного политуправления РККА: одна в июле, три в августе, одна в сентябре¹⁰¹. Каждая областная парторганизация получала так называемый наряд на призыв с указанием численности коммунистов и комсомольцев, подлежащих мобилизации. В директиве ЦК ВКП(б) подчеркивалось, что первоочередному призыву подлежат коммунисты, имеющие военные специальности. Все они считались добровольцами, так что М. Данилкин не кривил душой, когда говорил о себе: «5-го сентября 1941 г. добровольно ушел на службу в Советскую Армию»¹⁰². Он мог быть призван и в обычном порядке. На железнодорожников бронь не распространялась вплоть до мая 1942 г., когда Государственный комитет обороны запретил дальнейшие мобилизации. Запрет, однако, имел условный характер. Наборы на воинскую службу продолжались и далее. Например, только в августе 1942 г. с Томской железной дороги было призвано в армию 2612 человек¹⁰³.

По имеющейся военной профессии М.Т. Данилкин был радистом и армейским политработником. Это учли. После двухмесячной переподготовки он получил назначение комиссаром 827-го отдельного батальона связи 368-й стрелковой дивизии¹⁰⁴. В этой должности он прослу-

¹⁰⁰ Бой с «тенью» Сталина. Продолжение: Документы и материалы об истории XXII съезда КПСС и второго этапа десталинизации. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. С. 436.

¹⁰¹ Кирсанов Н.А. Партийные мобилизации на фронт в годы Великой Отечественной войны. М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 39.

¹⁰² Протокол допроса Данилкина М.Т. от 11.02.1953 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 1. Л. 25.

¹⁰³ Елизаров И.В. Деятельность партийных организаций по обеспечению бесперебойной работы железнодорожного транспорта Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1942–1945 гг. Томск: Изд-во Томского университета, 1979. С. 81.

¹⁰⁴ «Начало формирования 368-й стрелковой дивизии положено приказом Военного совета Сибирского военного округа № 0051 от 26 августа 1941 г. Формирование дивизии началось с укомплектования командно-начальствующим и политическим составом. Первая партия командно-начальствующего состава в количестве 64 человека прибыла 4 сентября 1941 г. К 1 октября укомплектованность командно-начальствующим составом выражалась в 75 %. В 6:00 6 ноября 1941 г. начал погрузку первый эшелон и в 8:00 6 ноября отошел от станции Тюмень. В пути движения с рядовым составом проводились занятия по боевой и политической подготовке согласно расчету часов, разработанному штабом дивизии из расчета 8-часового учебного дня. В пути, за период следования, потеря и случаев отставания не было. К 13 ноября дивизия полностью сосредоточилась к району выгрузки Няндомы, где войска расквартированы в общественных зданиях – школы, клубы и другие. 7 марта 1942 г. дивизия вошла в состав 7-й Отдельной Армии, которая вела оборонительные бои между Ладожским и Онежским озерами, сдерживая натиск противника». См.: 368-я стрелковая дивизия. <<http://sibvo1941-1945.ru/368-%D1%8F-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F-%D0%B4%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%8F/>> (дата обращения

жил до октября 1942 г., когда указом Президиума Верховного Совета СССР институт военных комиссаров был упразднен. В число бывших комиссаров, получивших командные должности, М. Данилкин не попал. Стал замполитом. Понижение по службе, хотя и не личное, перенес тяжело. Спустя пять лет сокрушался о том, что комиссаров упразднили. В марте 1943 г. в той же должности заместителя командира батальона по политчасти был перемещен в 70-ю курсантскую морскую бригаду, входившую в состав 7-й отдельной армии¹⁰⁵. В июле 1944 г. Данилкин был переведен на должность заместителя редактора газеты «За Родину» в 67-ю стрелковую дивизию Карельского фронта¹⁰⁶.

Будучи военным журналистом, Михаил Данилкин оставался политработником. В соответствии с Положением о работе военных корреспондентов «военкор был обязан “постоянно находиться непосредственно в частях и соединениях Красной Армии... всем своим поведением на фронте показывать образец дисциплины, смелости и неутомимости в работе... быть готовым в любую минуту к участию в бою”.

Военкоры – члены партии и комсомола должны были состоять на учете в партийной или комсомольской организациях Политуправления фронта»¹⁰⁷.

Михаил Данилкин служил политработником на Карельском фронте, на котором в течение неполных трех лет после декабря 1941 г. велась преимущественно позиционная война. Отдельный батальон связи дислоцировался вдали от передовой. В 1943 г. подразделения морской бригады использовались, как правило, для десантных операций либо для прорыва укреплений противника. В окопах переднего края их не держали. В промежутке между боями офицеры пили. Замполит Данилкин не составлял исключения. Скорее, напротив. В июле 1943 г. партийная комиссия 70-й бригады объявляет ему «выговор за выпивку с дебошем в расположении части»¹⁰⁸.

Так получилось, что в активных боевых действиях замполит Данилкин принял участие только в июне 1944 г. В ходе Свирско-Петрозаводской операции против финской армии 70-я морская стрелковая бригада была высажена с кораблей в тылу противника. Десантники захватили плацдарм, перерезали железную и шоссейную дорогу и пять дней удерживали позиции до подхода основных сил 7-й и 32-й армий. Данилкин был со своим батальоном, получил контузию. Военный совет 32-й армии наградил его орденом Красной Звезды¹⁰⁹. Других боевых наград у Михаила Данилкина не было. Политработников награждали скупой.

С войны М. Данилкин пришел майором и орденосцем. Не инвалидом, не бывшим военнопленным, не окруженцем. Своим комиссарским прошлым гордился. Тем не менее вспоминать о войне не любил. Писал о ней в крайних случаях, когда промолчать о войне значило

ния: 14.04.2018).

¹⁰⁵ 70-я отдельная морская стрелковая бригада была сформирована в октябре – ноябре 1941 г. из курсантов военно-морских училищ и моряков Тихоокеанского флота. В начале января 1941 г. прибыла на боевые позиции на Свирском оборонительном рубеже реки Свирь, с 10.01.1941 участвовала в боях на Свирском оборонительном рубеже. См.: Кузнецов В. На Карельском фронте // От Иргыша до Эльбы: боевой путь омских формирований в годы Великой Отечественной войны / ред. – сост. Н.Е. Ульянов. Омск, 1984. С. 150–168.

¹⁰⁶ 67-я стрелковая дивизия (второго формирования) создана на основе подразделений Олонечкой группировки генерал-лейтенанта А.Д. Цветаева в сентябре 1941 г. Дивизия, отступая, переправилась через Свирь и заняла позиции по реке Свирь в районе села Паша. Находилась в обороне до 1944 г. В феврале 1944 г. переброслена на кандалакшское направление. На сентябрь 1944 г. насчитывала 6894 человека, в том числе: офицеров – 772, сержантов – 1732 и рядовых – 4390. В июле 1944 г. 67-я стрелковая дивизия входила в состав 32-й армии Карельского фронта. См.: 67-я стрелковая дивизия (второго формирования). <<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/601423>> (дата обращения: 11.05.2018).

¹⁰⁷ О работе военных корреспондентов на фронте. (Из Положения, утвержденного в 1942 г. Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Главным политическим управлением Красной Армии). Сентябрь 1942 г. // О партийной и советской печати. Сб. документов. М.: Политиздат, 1954. С. 499–500.

¹⁰⁸ Протокол допроса Данилкина М.Т. от 11.02.1953 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 1. Л. 55–56.

¹⁰⁹ Данилкин М.Т. // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 220. Д. 871. Л. 5.

потерять какую-то очень важную мысль. О его действительном отношении к войне много говорят случайные обмолвки вроде *сталинградского побоища*¹¹⁰.

Судя по нечастым замечаниям, коротким отрывкам из текстов на другую тему, можно представить общее отношение М. Данилкина к Отечественной войне, понять, что вынес он из офицерских блиндажей и солдатских землянок, с чем вернулся к мирной жизни.

Первое, что бросается в глаза, это неприкрытое уважение к противнику – уважение, распространяемое даже на бывших красноармейцев, воевавших на стороне вермахта. В 1952 г. он заметил, что для России естественным союзником в будущей войне может быть в Европе только Германия¹¹¹. Данилкин нашел слова одобрения боевым качествам власовцев:

В большинстве своем молодые парни, потенциально способные быть честными людьми и совершать такие же подвиги, как и подвиг Александра Матросова, начали с остервенением, не хуже, чем белогвардейцы времен Гражданской войны, воевать против нашей армии, против своей Родины¹¹².

Здесь политработник Данилкин фактически предвосхитил оценку, данную одним из идеологов эмигрантской организации СБОНР – «Союза борьбы за освобождение народов России»¹¹³:

Хорошо дрались, до конца! Русский человек всегда любил и уважал боевую доблесть. Даже, может быть, особенно в гражданских войнах¹¹⁴.

Заметим, что о стойкости восточных частей вермахта и СС М. Данилкин знал понаслышке: в полосе армий Калининского фронта их не было. В группе армий «Север» формировались только охранные подразделения – «Einwohnerkampfverbände», не участвовавшие в боевых столкновениях с частями Красной армии¹¹⁵.

Данилкин совсем не доверял высшему комсоставу. Вину за отступление 1941 г. он переложил на плечи генералов. «Ведь если бы кто-то до начала войны сказал: широко прославленные, украшенные множествами орденов лица (Смушкевич, Павлов и др.) – мерзавцы и предатели?»¹¹⁶ Впрочем, и те из генералов, которые не совершили измены, также малоуважаемые люди. Они все несут ответственность за массовую сдачу в плен, более того, за переход на сторону противника рядовых красноармейцев. «Почему удалось нашим врагам сколотить эту армию и заставить ее воевать? Дало о себе знать механическое подчинение, которое стало усиленно насаждаться после войны с Финляндией: приказ начальника нужно выполнять безоговорочно и без рассуждений, начальник всегда и во всем прав¹¹⁷. Этой лазейкой, которая

¹¹⁰ Данилкин М. Глазами классиков (Сны наяву) // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 2. Л. 144.

¹¹¹ Данилкин М. Жертва обстоятельств // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 2. Л. 49.

¹¹² Данилкин М. Ответ моим обвинителям // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 2. Л. 16.

¹¹³ О СБОНР см.: Довнар В.В. Идеи и деятельность «Союза борьбы за освобождение народов России» // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 10 (30). <<https://cyberleninka.ru/article/n/idei-i-deyatelnost-soyuza-borby-za-osvobozhdenie-narodov-rossii>> (дата обращения: 15.05.2018); КиберЛенинка. <<https://cyberleninka.ru/article/n/idei-i-deyatelnost-soyuza-borby-za-osvobozhdenie-narodov-rossii>>.

¹¹⁴ Днепров Р. «Власовское» ли? // Континент. 2013. № 152. <<http://magazines.russ.ru/continent/2013/152/39d-pr.html>> (дата обращения: 08.04.2018).

¹¹⁵ См.: Жуков Д., Ковтун И. Русские эсэсовцы. М.: Вече, 2010. С. 113.

¹¹⁶ Данилкин М. Ответ моим обвинителям // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 2. Л. 15.

¹¹⁷ Речь идет о серии приказов, отданных в 1940 г. народным комиссаром обороны маршалом С.К. Тимошенко, запрещающих жалобы военнослужащих на своих командиров, ужесточающих наказания за самовольную отлучку из части, наконец, вводящих в действие новый дисциплинарный устав РККА, который позволял командирам применять физическую силу к недисциплинированным красноармейцам. «После введения нового Дисциплинарного устава нарком столкнулся с явлением, которое его крайне озадачило и обеспокоило: резко возросло количество извращений дисциплинарной практики, особенно случаев рукоприкладства. Они случались и раньше – правда, крайне редко – и сурово пресекались. Теперь же, ссылаясь на положения Устава о том, что в случае неповиновения, открытого сопротивления или злостного нарушения дисциплины и порядка, командир имеет право принять все меры принуждения, вплоть до применения силы, оружия, и не несет ответственности за

возникла в результате неумения сочетать единоначалие с демократизмом нашей системы, приказ с убеждением, великолепно воспользовались наши враги»¹¹⁸. Генералы слишком увлечены собственной карьерой: орденами, золотыми погонами, лампасами, чтобы на них можно было положиться в будущей войне¹¹⁹.

Новая война не за горами. Главным противником в ней будут вчерашние союзники. Надо заметить, что М. Данилкин скептически оценивал участие СССР в антигитлеровской коалиции. Помощь от союзников была, по его мнению, незначительной, а вред – настоящим. Он считал, что во имя компромисса с Западом Сталин был вынужден затушевывать подлинный характер войны: отказаться от комиссаров, ввести погоны, воздать хвалу царским военачальникам: Суворову и Кутузову¹²⁰. В этих своих оценках он был неодинок. В Березниках в мае 1943 г. жители обменивались мнениями. Сексот местного отделения НКВД составил рапорт, попавший в справку о политических настроениях населения: «Финтушаль, беспартийный, нач. отд. 31 АТЗ (азотно-тукового завода. – А. К., О. Л.), говорит: “Непонятно, чем вызван роспуск Коминтерна, это ведь, по сути дела, отказ от революционной борьбы передовой части рабочего класса во всех странах Европы, очевидно, это есть уступка Англии и Америке в общих планах борьбы с фашизмом и послевоенной структуры страны”»¹²¹.

Наконец, Михаил Данилкин из фронтового опыта вынес стойкое убеждение: побил врага простой солдат¹²². Плодами победы воспользовались другие люди, чуждые и враждебные ему:

«Первая отечественная война омолодила Россию, встряхнув все ее творческие силы. В 1917 г. логически завершился процесс национального развития и самосознания русского народа. Но зато война 1941–1945 годов дала обратный результат – она вскормила целые полчища дармоедов, превратив государственный аппарат в прожорливое бюрократическое чудовище. Самообман, лицемерство пущены так же в ход, как и новокаин в медицине»¹²³.

Добавим только, что Данилкин поделил свое поколение на фронтовиков и тех, кто отсиделся в тылу. И межа между ними глубже, чем между вчерашними кулаками и бедняками, глубже, чем между классами. Заметим, что с фронта Михаил Данилкин вернулся убежденным антисемитом. Он явно поверил легенде о «ташкентском фронте», где на сытных местах в глубоким тылу окопались евреи, не желавшие воевать¹²⁴. И, вообще, война – это русское дело. Иностранцев нужно гнать из правительства – читаем в сводке Березниковского горотдела НКВД: «24/X – 41 г. в общезнании н^ачальствующего состава КОБОЗЕВ говорил: “[они] предали русский народ. Головы нужно свернуть виновникам, правительство должно быть чисто русское, а то один Калинин в правительстве – русский, да и тот думает, хоть под старость пожить. Кагановича и других нерусских из правительства надо удалить”»¹²⁵.

Так Михаил Данилкин, прошедший фронт, разошелся с молодым коммунистом тридцатых годов. Он был лоялен Сталину, но несколько не доверял его маршалам. Он размышлял над политическими вопросами и был готов давать на них самостоятельные ответы. Военная школа освободила Данилкина от слепой веры в руководство. На фронте он увидел то, что раньше

последствия. На этом основании некоторые командиры, да и политработники стали заявлять, что теперь, мол, время уговоров кончилось, надо решительно применять силу по отношению к разгильдяям. И применяли...». См.: *Португальский Р.М., Доманк А.С., Коваленко А.П.* Маршал С.К. Тимошенко. М.: Изд-во МОФ «Победа – 1945 год», 1994. <<http://militera.lib.ru/bio/domank/03.html>>.

¹¹⁸ Данилкин М. Ответ моим обвинителям // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 2. Л. 16.

¹¹⁹ Данилкин М. Разговор с И.В. Сталиным // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 3. Л. 6.

¹²⁰ Данилкин М. Разговор с И.В. Сталиным // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 3. Л. 4.

¹²¹ Рудченко – Попову. Спецзаписка. 26.05.1943 // ПермГАСПИ. Ф. 59. Оп. 2. Д. 39. Л. 47.

¹²² Данилкин М. Глазами классиков (Сны наяву) // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 2. Л. 137.

¹²³ Данилкин М. Сокровенные мысли // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 3. Л. 39.

¹²⁴ См.: *Митрохин Н.* Этнонационалистическая мифология в советском партийно-государственном аппарате // *Отечественные записки*. 2002. № 3. С. 281–298.

¹²⁵ Сведения о состоянии 683-й стройколонны на 1 декабря 1941 г. 22.12.1941 // ПермГАСПИ. Ф. 59. Оп. 2. Д. 38. Л. 9.

казалось ему немыслимым и невозможным. Данилкин задумался, может быть, впервые за всю свою политическую карьеру. Тем самым он незаметно для себя из шеренги верных сталинцев переместился в *обоз* к нытикам и маловерам, где доживали свой век обломки старой большевистской партии.

И в прежней шеренге он не смог пробиться в первые ряды. Помешала идейность. Не улыбнулся случай. Подвел характер. Может быть, этот набор помех спас ему жизнь во время «великой чистки». Многие из его удачливых товарищей сложили головы на плахе. Многие, но не все. Счастливчики поднялись наверх и там остались. Снизу их подпирали новые энтузиасты.

Данилкину не было места ни среди первых, ни среди вторых. Он был обречен на вымирание, хотя и не догадывался об этом. Уйти в профессию он не мог. Он не был инженером, военным или агрономом. Он был партийным пропагандистом, умеющим писать для газеты. Сомнения, разочарования, самостоятельность мысли губили его.

Глава 2

«...Мои действия можно назвать серьезной разведкой боем»

Михаил Данилкин был уволен из армии в 1947 г. Не очень ясно, по собственной воле либо по инициативе начальства. Во всяком случае, он покинул ряды вооруженных сил без особого сожаления. Когда через полтора года Молотовский облвоенкомат вновь попытался призвать майора запаса на действительную службу, Данилкин отказался наотрез. «Хотели в качестве наказания отправить служить в ряды Советской Армии», – с возмущением писал он Сталину¹²⁶

¹²⁶ Данилкин М. Ответ моим обвинителям // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 3. Л. 21.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.